

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪВЪЗДѢЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ 6 странъ

КОНЦЕРТЪ

Марин Ивановны Долиной

КОНЦЕРТЪ

извѣстной артистки,
всѣхъ странъГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (70).

Сентябрь. 2008 год.

Есть город, который...

Я вижу наяву каждый день. Он живет бурной, активной жизнью. Свидетельство — не только расцвет издательской деятельности, выставочной, музыкальной, театральной жизни, но и строительный бум, который может сравниться с невиданным размахом строительства в новых "спальных" районах как в хрущевские годы, так и в более поздние.

Радует обновление бывшей Привозной и Екатерининской площади, раздражает застройка Отрады, Греческой площади, но не покидает ощущение, что центр города стал единой строительной площадкой.

Конечно, можно было бы на первую полосу вынести фотографию какого-нибудь из домов, который архитекторы сумели вписать в сложившийся образ старого города. Такие примеры есть, хоть и не так много, как хотелось бы. Но мне

показалось, что на первых страницах газеты за 18 лет ее существования мы слишком часто помещали фотографии памятников, театров, домов. И, увы, реже лица людей, которых знает Одесса, которые олицетворяют (вдумайтесь в смысл этого слова!) Одессу.

Можно было бы поместить на первой странице портрет Давида Ойстраха. Как-никак, в сентябре этого года ему исполнилось бы 100 лет. Весь мир преклонялся перед игрой "царя Давида", как называла Д.Ф. Ойстраха мировая пресса, подчеркивая, что это один из гениальной плеяды одесских молодых музыкантов, возвращенных уникальным педагогом Петром Столярским. Но и этот портрет, как и здание Оперного театра, как и памятник Основателям Одессы, уводил бы нас в прошлое города, в его легенду, а не в настоящее,

которое, уверен, тоже на наших глазах становится легендой.

А почему бы, подумал я, не поместить на первой странице этого номера газеты портрет Романа Карцева? На 4 сентября назначен его концерт. И это будет не обычное выступление актера, а встреча с писателем — к первому сентябрю в Одессе должна выйти его вторая книга. Лицо, голос, жест Карцева, читающего прозу Михаила Жванецкого, а с недавнего времени и свою прозу, знают миллионы людей. И он для них действительно стал "лицом Одессы". Кстати, как недавно сообщил Президентскому совету Всемирного клуба одесситов Михаил Михайлович Жванецкий, у Романа Карцева появилось желание вернуться в Одессу, быть ближе к корням своей театральной и литературной судьбы. В 2009 году Роману Андреевичу Карцеву исполнится 70 лет. Может,

мы тогда поздравим его с одесской пропиской. А впрочем, в легенде Одессы он уже прописан давно и навсегда.

Остается поздравить всех читателей нашей газеты с Днем рождения Одессы. Этот праздник в последние годы, я убежден, становится любимым праздником одесситов. И тех, кто живет в городе у Черного моря, и тех, кто тонким слоем покрыл всю планету. Ни одному историку, ни одному писателю не удалось разгадать тайну "магнетизма Одессы" (почти как тайну Тунгусского метеорита). Но она существует, я бы сказал, работает. И в этом залог прекрасного будущего нашего города, который всегда из любых невзгод выходил обновленным, молодым, свободолюбивым.

С Днем рождения Одессы!

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

**Надежда Бессокирная,
Аргентина, Буэнос-Айрес**

Место рождения — Украина, г. Белополье Сумской обл. Образование — Одесский государственный университет, филологический факультет. Диплом с отличием. Работала в кино с 1973 года. В качестве ассистента режиссера, второго режиссера работала с режиссерами В. Левиным, С. Линковым, И. Минаевым, И. Апасяном, Р. Васильевским, А. Павловским, С. Тоборчихиным, С. Анкенази и др. В 1991 году открыла свою фирму по производству фильмов "Кона-прим". Первый опыт самостоятельного производства — фильм Игоря Минаева "Подземный храм коммунизма" (док., цветн., собственное производство с "АСП производством", Франция). Продюсер фильмов: "Последняя суббота" ("Кона-прим" совместно с ПОО "Экран", реж. С. Линков, 1992 г.), "Второй" ("Кона-прим" и "Норд-банк", Одесса, 1994 г.). Соавтор сценариев: "Второй" (реж. С. Рахманин) и "Матч" (реж. С. Рахманин, документальный, 10 минут). В качестве исполнительного продюсера работала в фильмах: "Ветер в городе" (Треница, реж. Петрос Севастикоз, 1996 г.), "Вчера, сегодня, завтра..." (Одесса, реж. С. Рахманин, 1996 г.). Работала в качестве исполнительного продюсера при производстве рекламы в Одессе. С 2000 года живу в Буэнос-Айресе, где написаны сценарии художественных, документальных, рекламных фильмов, нескольких телесериалов.

**Юрий Георгиевич Алексеев,
Израиль, Бат-Ям**

Прошу принять меня в ВИРТУАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ. Проживаю на Земле Обетованной, Государство Израиль. Крайнеко к себе. Родился в Одесской области, нгт Любашевка. Там вырос и окончил школу. Дедушка мой коренной одесит, который покинул город во время чумы, так получилась. Жизнь распорядилась так, что успел побывать в разных местах — жил и учился в Риге, потом в Днепрпетровске.

**Оксана Викторовна Орлова-Забудовская,
Канада, Торонто**

Прошу принять меня в ВИРТУАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ. Родилась в Одессе. Окончила Городское педагогическое училище по специальности учитель начальных классов", а затем Одесский государственный университет им. Мечникова по специальности филолог, преподаватель русского языка и литературы. 18 лет преподавала учителей вначале младших, а затем старших классов. С 2005 года проживаю в Канаде. Работала в школе "Улика", затем главным редактором журнала "Здоровье". В 2006 году организовала детский музыкальный театр "Butterfly": www.kids-theatre.com. С 2005 года пою в хоре им. Шевченко. Подготовка к сдаче экзамена в консерваторию по классу вокала. Наш театр записал несколько своих альбомов. Мы поставили спектакли: "Волк и семеро козлят", "Мэри Поппинс", "Приключения Винни-Пуха и его друзей", проводили литературные вечера, вечера русского народного фольклора, конкурсы чтецов и многое другое, — и все это на русском языке, чтобы наши дети не утратили свои корни. С 10 лет пишу стихи — рассказы начала писать позже. Мои произведения были опубликованы в журнале "Альманах", в Америке и в журналах городов СНГ. Мои произведения публикуются на сайте www.rjoga.ru.

**Татьяна Владимировна Коженко,
Китай, Хайнань**

Прошу принять меня в ВИРТУАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ. О себе: 28 лет, родилась, выросла, выучилась, работала в Одессе. Сейчас живу в Хайнане (окрестности Шанхая). Уехала с рабочим визитом для открытия представительства. Вскоре планирую вернуться в Одессу. Проведенный год в Китае дал возможность познакомиться на многое, что происходит в Одессе и стране, со стороны, понять, почувствовать и осознать всю ту любовь, которую можно питать к родному городу и его людям. Для меня Одесса — это не просто город и проведенные в нем десятилетия, это т. н. "место силы". Очень хочется сделать его лучше, не утратив историю.

**Ирина Борисовна Леймане (в девичестве
Мочушко-Моргулис),
Латвия, Рига**

С 1972 (то есть с рождения) одеситка, и по моим данным, в 5-м поколении. Родилась и выросла на Молдаванке, на Розумовской. Закончила 121-ю школу, а затем Водный. С 2000 г. проживаю в Риге. Работая в сфере морского транспорта. Люблю Одессу, больше — Одессу 70-х годов, наверное, потому что это город моего детства. Своей 5-летней дочке и мужу пытаюсь объяснить, что это такое — Одесса и одеситы моего детства. Без запахов, звуков, живых картинок ощущается плохо. Приезжала каждый год, но ни видят другой город, для них он не лучше, не хуже, просто другой, не тот, о котором я прожужжала им все уши. Вот так же и мой мама, папа, бабушки и дедушки сетовали, что я не застала "ту" Одессу. Прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одеситов.

**Алла Федоровна Кожухарь,
Польша, Вроцлав**

Прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одеситов. Я преподаватель русского языка и литературы, мне 72 года. Одесса — город моей юности, моих трудовых лет. В Польше уже 14 лет, но город Одесса по-прежнему нам близок и дорог. Вспоминаем все: Дебриасовскую и Тайдара, Среднюю и Большой Фонтан, запах Тривоза и запах моря — самого синего в мире, пляжи Фонтана, Аркадии и Мизановки.

**Наталья Анатольевна Сенагор,
Россия, Москва**

По национальности одеситка, на пляжах Аркадии с месячного возраста, хотя родилась в Польше. Но лето на Каролино-Бугазе — это святое с рождения... Жила у бабушки на Ленина, пока все еще были живы... Одесса для меня — это детство и юность, запах пыли, жары и акаций, дуновение ветерка с моря с неповторимыми запахами водорослей, это полные ведра скумбрии (качалочки), переливающейся на солнце радугой, это соленые креветки разной величины под запотевшую или пиво... Это обращение к женщине "мадам", это споры в транспорте "за жизнь" и пятый трамвайчик по Французскому бульвару... Это Тривоз и на нем — "Почем этот голубой рак? Сколько-сколько???" И в ответ: "Так это же Алан Делон!". Одесса — это Дюк, это Жванецкий, это неравнодушие. Одесса — это на всю жизнь. Поэтому прошу принять меня в Клуб одеситов. Сейчас москвичка, так как тут мой сын. Работаем в кино. Я в актерском агентстве замдиректора.

Идея, которая объединяет многих из нас, — это процветание родного города. Для всех нас Одесса — это не просто точка на земном шаре. Для объединения всех земляков, вне зависимости от места их проживания, в 1990 году был создан Всемирный клуб одеситов. Его бессменный президент — Михаил Михайлович Жванецкий.

Наш лозунг: "Одеситы всех стран, объединяйтесь!" Приглашаем всех вас на сайт Клуба: www.odessitclub.org. Здесь каждый из вас найдет кусочек СВОЕЙ Одессы.

В нашем городе родилась поговорка: "Земля маленькая, а Одесса большая". Мы решили создать свою, ВИРТУАЛЬНУЮ ОДЕССУ, а каждого из вас, проживающих вне Одессы (естественно, кто захочет), принять в ВИРТУАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ. Достаточно прислать письмо-заявление в произвольной форме с указанием фамилии, имени, отчества, города проживания и свою фотографию в электронном виде на адрес клуба (vko@list.ru), и при желании коротко написать о себе.

Подтверждением принятия вас в клуб будет наше ответное письмо с электронной версией вашего одесского билета, подписанного президентом клуба.

Вы сможете постоянно получать новости клуба и самые свежие одесские новости. Надеемся, что в дальнейшем мы сможем оказывать вам расширенный круг услуг. Передайте эти адреса своим друзьям-одеситам и тем, кто любит нашу Одессу.

Если же вы захотите посетить наш клуб лично, то мы всегда ждем вас по адресу: 65012, Украина, ул. Марзливская, 7 (угол Базарной). Тел./факс: 725-45-67; тел.: 725-53-68.

Здесь вы сможете ознакомиться с новинками одесской литературы и приобрести любую из них, а также посмотреть очередную выставку одесских художников.

Мы работаем: понедельник-четверг — с 10.00 до 18.00; пятница — с 10.00 до 17.00.

Президентский совет клуба

Ксения Соболюк, Россия, Кургуз

Я очень рада вашему приглашению в клуб и прошу зачислить в ряды. Недолгое время жила в самом удивительном городе, Одессе, и мое сердце по-прежнему там. Если понадобится еще какая-то информация обо мне, — пожалуйста, известите меня любым удобным вам способом.

Я никогда не бывала в Одессе, но всегда мечтала побывать в ней. Живу в небольшом городке между Сан-Хосе и Сан-Франциско.

Хотя я родилась на Украине, всю жизнь прожил в Латвии, откуда родом были родители, и эмигрировал в СССР в Израиль в 1974 году. Я литературовед, историк русской (и советской) литературы, с 1985 года живу в Калифорнии, преподаю в Стэнфордском университете русскую литературу (главные мои работы — о Пастернаке и о литературе и прессе русского зарубежья).

Альманах "Дебриасовская — Ринельская" есть в нашей университетской библиотеке — пока до 27 номера (2006), я все их просматривал и нашел очень много для моей работы. Научный и культурный уровень его — великолепен. Из многих книг, упоминаемых на этом сайте, из "Наших публикаций", меня интересовали бы Рио-де-Жанейро (но не поздно ли?), Перикл Ставров. Я нашел раздел "Книжная полка" и просмотрел весь список. Часть мне хорошо известна (по нашей университетской библиотеке), но несколько книг мне хотелось бы почитать в собственное владение, и если бы их можно было заказать — я бы был безмерно рад. Это: Фазили; Олеса "Облако"; "Возвращение ковчега"; Смирин "Бадель в литературном контексте"; Вега Инберг, Рио-де-Жанейро, Перикл Ставров, Кирсанов. Но я понимаю, что все могло давно разойтись. Никак не хотел бы вас утруждать своей просьбой.

Вообще же, — вы и издательство "Оптимизм", и литературный музей — делаете очень большое и хорошее дело.

Искренне ваш,

Лазар Флейшман

**Елена Александровна Васильева,
Россия, Санкт-Петербург**

Получила приглашение вступить в ВИРТУАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ. Конечно, я очень хочу стать членом этого клуба, поскольку хоть и живу 8 лет в Санкт-Петербурге, но как бы ни сложилась моя жизнь и где бы она не протекала, я чувствую и всегда буду себя чувствовать коренной одеситкой, поскольку, приезжая в Одессу, я понимаю, что сердце мое живет в этом городе, и уезжая, я оставляю оградный кусок своей души на его старых улочках (я родилась на Еврейской), рядом с родителями (дай им Бог здоровья). И разве после всего этого я не хочу стать членом вашего клуба?

**Татьяна Леонидовна Стороженко,
Россия, Санкт-Петербург**

Буду очень рада членству в виртуальном Клубе одеситов. Я родилась в Одессе на Черемухах. Мой папа был военным, и наша семья очень много путешествовала, как по России, так и за ее пределами — Севастополь, Дальний Восток, Курилы, Паллины, Санкт-Петербург, Мюнхен, но прежде всего, — ОДЕССА. Родители сейчас живут в Паллине. У меня два сына — пятый и восьмой лет, любящий муж и интересная работа. Знакомая, а всегда с гордостью называю себя одеситкой, потому что это — "навсегда", где бы ты ни жил.

Александр Петрович Малыгин

Заявление
Уважаемый Михаил Михайлович! Настоящим заявляю, что имею очень сильное желание быть членом Всемирного клуба одеситов.

**Марина Маржаковская (Марч),
США, Сан-Франциско**

Прошу принять меня во всемирный клуб тех, кем родилась, прожила 35 лет и живу. Ну а если не примите, — не обижусь, но все равно пишу одеситкой. Хотя киевляне, харьковчане, ленинградцы, москвичи и прочие завистники называют нас в Калифорнии "эти одеситы...". Мое временное место проживания — город Сан-Франциско.

Владимир Рабей, США, Майами

Не по моей вине я не могу выйти на сайт клуба. Поэтому прошу вас помочь мне и включить в члены клуба. Родился 1947 году в Сибире — отца отправили на трудовой фронт, а мои родители и старший брат — коренные одеситы, но, как говорится, не та мать, которая родила, а та, которая воспитала.

С 1948 года жил в Одессе, окончил школу № 5, 8 классов, потом поступил в Одесский техникум газовой и нефтяной промышленности. Проживал сперва на ул. Ковалевской, 36, — не подумайте, что я хвастаюсь, что знаю старые названия улиц, просто моя мама ее по-другому не называла, и когда ей нужно было писать адрес, всегда я слышал: "Испортили название". После женитьбы переехал жить к жене на Ваганова угол А. Павлова, 15. Корни мои остались в Одессе, мать и отец похоронены на Пшавровском. Одесса для меня все. Хотя не моя вина, что я сейчас живу на другой стороне шарика, Одесса была, есть и будет моим родным городом.

Илья Талак

Отчество опускается, так как являюсь американским гражданином, а там такого понятия нет. Национальность — одесит.

Два слова о себе. Родился в 1962 году в Одессе. Закончил лучше в мире школу (среднюю школу номер 26). Год работал на Одеском предприятии электрических сетей. В 1985 году окончил машиностроительный институт в Запорожье по специальности инженер-электрик. После окончания института работал 2,5 года на заводе "Днепроспецсталь" начальником смены сетей и подстанций, потом старшим инженером по эксплуатации, опять-таки на Одесском предприятии электрических сетей.

Когда Горбачев открыл ворота — нырнул в Америку, где уже почти 20 лет. Работаю по специальности, правда, в строительстве. Большая серьезная компания. Жена, двое чудесных детей. Выезжаю женой 10 лет назад открыл бизнес: она дизайнер от Бога — свадебных и вечерних платьев. Еще одна моя работа/увлечение: главный редактор русскоязычной газеты "Davidson Gazeta".

Так что времени отдыхать нет. "И вечный бой..."

**Марина Анатольевна Глебова,
Украина, Николаев**

Я не одеситка, но если для вступления в клуб достаточно любить этот город как родной, — я могу рассуждать, что здесь меня поймут и примут! Живу в Николаеве. Работаю на судостроительном заводе, строго ко-рабли. Люблю море, людей, живое общение и не перестаю по-детски верить в то, что все будет прекрасно! Удачи и счастья всем!

Анна Ажамбска, Польша, Варшава

Изучаю русский язык в Варшавском университете, и 12 студент — меня очень заинтересовал. Пишу диссертацию об Ольге и Петрове — "12 студентах". (В последние годы в университете не было диссертации на такую тему, и это меня еще больше заинтересовало.) Вы можете мне помочь и указать, где можно найти о них какие-то материалы? Очень благодарю за полезную информацию. Я очень рада. Думаю, что она мне будет полезной.

Дорогой Леонид, не знаю, как получилось, но только сегодня я прочитал полную подборку клубных новостей. Эта подборка буквально потрясла меня, возбудила такую ностальгию, что мне трудно ее описать. Насколько я понял, а понял я абсолютно верно, благодаря новому руководству клуба живет настоящая Одесса, наша Одесса, которую мы любим, по которой мы тоскуем, где происходят встречи, об участии в которых мы можем только мечтать. Но есть в Одессе люди, которые понимают о нас и дают нам возможность пережить вместе с участниками описанных встреч.

Конечно, с большинством из участников мы лично знакомы и радуемся за них и вместе с ними. Я счастлив, что есть еще порох в пороховницах, залпы разносятся по всему миру и вселяют надежду, что никто не сумеет испепелить этот дух Одессы. Я очень рад, что участвуя вместе с вами и одеситами в прекрасном проекте "Убереечь от забвения" (цитирую Александра Розенбойла), мне удалось познакомиться с вами и внести малосенький вклад в сохранение памяти о выдающихся одеситах. Я надеюсь, что вы сумеете сохранить нашу Одессу.

Памятник Бабелю — великий вклад в это большое дело.

Всех дел, здоровья и сил, удачи во всех начинаниях,

Вольф Шнайфман

Евгений ДЕМЕНЮК

О ЛЮБВИ

Когда мне исполнилось тридцать восемь лет, во мне неожиданно проснулась любовь к Одессе. Не то чтобы я до этого не любил свой город. Любовь эта развивалась во мне этапами.

В детстве я воспринимал родной город и его красоту как данность. Наверное, так происходит у всех — сравнивать же не с чем! Да, старые дома, да, Пушкинская с ее гулкой булыжной мостовой, на высоченных платанах которой птицы летом устраивают "сорочинскую ярмарку". Мы с друзьями, кстати, изобрели способ поднять в воздух буквально тучи ворон и сорок с высокими деревьями — для этого нужно было встать под деревом и одновременно подпрыгнуть несколькими мальчишам. Когда мы приземлялись, толая по асфальту, птицы хлопотливо и озабоченно взлетали, — видимо, их тревожил какой-то резонанс, возникающий в этот момент. А мы радовались тому, что хоть как-то отомстили им за многочисленные белые кляксы, которыми они все лето щедро одаривали головы одесситов и проезжающие машины.

В двадцать один год я познакомился в поезде с девушкой-архитектором, которая была влюблена в старую Одессу. Ей было с чем сравнивать, она была приезжей, но училась у нас. Благодаря ей я стал замечать красоту каждого отдельного дома, элементы отделки, статуи, украшающие многие дома, мраморные лестницы. А потом, года в тридцать три, я полюбил гулять по одесским дворикам. Каждый дворик у нас — это личность. Это индивидуальность. Двух одинаковых нет. Похожие — может быть, но не одинаковые. И почти в каждом есть что-то, что радует или умиляет, или привлекает внимание. Например, мраморный колодец, чудом доживший до наших дней. Или старый кран, в котором неожиданно есть вода. Или голубятня на крыше. Или памятник создателю языка эсперанто Заменгофу.

Центр города у нас проектировали и строили иностранцы — фран-

цузы и итальянцы. И это ощущается. В центре легко дышится. Центр — это сердце города, его душа. Спальные районы — это руки, ноги и другие части тела. Дома в них построены после революции. После революции Одессу, в основном, портили. Портили то, что есть, и строили то, что и портить не надо, — оно уже такое.

Постепенно кроме любви во мне стала развиваться и крепнуть гордость за свой город. Как у советских есть собственная гордость, так и у одесситов она очень развита. Ведь "одесская легенда" живет и здравствует, и зачастую даже превосходит реальность, и это неудивительно, ведь ее творили выдающиеся писатели, художники и музыканты. Прошлым летом мои донецкие друзья, очень занятые люди, приехав к нам в командировку на один день и погуляв по Екатерининской площади и Приморскому бульвару, заявили, что они не в состоянии уехать, сдали билеты на самолет, с трудом нашли места в переполненных гостиницах и гуляли по городу до глубокой ночи.

Забавную вещь прочитал в журнале о недвижимости: "Купив квартиру в своем городе и накопив еще денег, житель Киева и Донецка покупает дачу в Крыму. Одессит в такой же ситуации покупает еще одну дачу под Одессой".

Конечно, далеко не все у нас так радужно. Иногда можно услышать, что Одесса — маленький Париж. После приезда из Парижа понимаешь, что эту фразу придумал кто-то, кто в Париже не был. После прилета из Москвы или даже Киева, не говоря уже о европейских городах,

дорога из аэропорта к дому буквально за пять минут возвращает к реальности. Полегче становится в центре. Там не такой резкий контраст. Два дня отходишь, на третий снова кажется, что лучше города на свете нет. Так было со мной много раз. Может быть, и с вами.

А потом я перестал замечать эти недостатки. Как у любимой женщины, с которой прожил много лет. Сначала, в пылу первой страсти, ты совсем не замечаешь недостатков. Потом начинаешь замечать их все. А потом ты начинаешь воспринимать их как родные и любить — ведь ни у кого другого нет больше такого замечательного набора именно этих недостатков!

Так уж сложилось, что успешные люди — писатели и предприниматели, поэты и музыканты, юмористы и политики — уезжают из Одессы. В Киев, больше в Москву, Питер и Нью-Йорк, Берлин и Тель-Авив, и в другие формальные и неформальные столицы мира. Объясняется это просто — в Одессе негде развернуться. У нас можно черпать вдохновение, заряжаться энергией и впечатлениями, но выплескивать это все нужно на больших сценах, в больших городах. К счастью, пока остаются художники — они не так публичны, для их творчества важнее тишина, а честолюбие подпитывает участие в столичных или международных выставках, которые проходят не так часто.

Вопрос — уезжать или не уезжать — стоял передо мной все время. И даже сейчас стоит. У нас сложно реализоваться по-крупному, в масштабных проектах. Поэтому специалисты уезжают в Киев и Москву, где зарплаты выше и масштаб другой. Для честолюбивого человека очень важно чувствовать уважение к себе как к специалисту или успешному бизнесмену. А у нас очень мало сфер бизнеса, где можно проявить себя на уровне страны или международного, — как правило, они связаны с морем. Вот и мучается специалист, доросший в Одессе до, на-

пример, руководителя филиала крупного банка, — он же понимает, что выше расти некуда и надо решать вопрос — оставаться в родном городе и застывать в своем росте, перемещаться в карьерной лестнице по горизонтали или уезжать в столицу, круто меняя свою жизнь, ведь вернуться потом домой раньше, чем на пенсию, — это значит признать свое поражение в карьерной борьбе. Поэтому я знаю многих успешных одесситов, которые всеми правдами и неправдами отбрыкиваются от киевских предложений, чтобы не менять налаженный ритм жизни на карьерную гонку. И рано или поздно приходят к немного сибаритскому образу жизни, потому что сам воздух Одессы задает такой образ. И тогда думаешь: "А ведь и у нас хорошо, и у нас есть своя прелесть, и лучше быть первым в деревне, нежели во второй сотне в городе!".

И вот я, к своим тридцати восьми годам отказавшись от трех серьезных предложений перебраться работать в Москву и двух в Киев, вдруг понял, что мой родной город таит в своих домах и улочках, в своей истории массу интересного. Начал записывать авторов, пишущих об Одессе и знаменитых одесситах, — Александра Розенбойма, Олега Губаря, Елену Каракину, Андрея Добролюбского, Александра Дорошенко. Более того, я осознал, что Одесса может быть культурной столицей! Если бизнесовой столицей в ближайшем будущем ей стать не суждено — для этого надо перестроить государство или создать новое, — то стать культурной столицей вполне возможно! Это уже было сто лет назад, и это может повториться сейчас, я чувствую, что это просто витает в воздухе. У нас сейчас живет и работает целая плеяда талантливых художников и писателей, подтягиваются и новые музыканты. Очень радует то, что на улицах впервые за десять лет появились люди с мольбертами, а во вновь возникающих арт-кафе проходят выставки, и поэты читают свои стихи. А инициатива Всемирного клуба одесситов по сбору средств на памятник Исааку Бабелю?! Если интуиция меня не подведет, мы в ближайшие пять-десять лет станем свидетелями расцвета столицы искусства. По крайней мере, я не одинок в своих мечтах и предположениях — об этом уже говорят многие мои друзья и знакомые.

Каждый, наверное, слышал на вокзале объявление, в котором есть слова: "Дорогие одесситы и гости нашего города". С детства я говорю: "Дорогие одесситы и гости столицы". Думал, я такой один. Оказалось, что нет.

Как оказалось, "одесскость" вырастает постепенно, она тихо зреет внутри, чтобы в один прекрасный момент заявить о себе в полную силу!

И вдруг в один прекрасный момент ты начинаешь радоваться и немного волноваться, возвращаясь в родной город откуда-нибудь из-за границы. Любоваться платанами на Пушкинской и акациями на Екатерининской. Восхищаться давно облешими и покосившимися деревянными дверями в домах на Пастера и Щепкина и понимать, какими красивыми они были в своей молодости. Гордиться тем, что о твоём городе написали Марк Твен и Пушкин, и тем, что Всемирный клуб одесситов — он таки действительно всемирный, потому что все знают, что у нас родились прабабушка Сталлоне и дедушка Майкла Дугласа, и что наш город сыграл очень большую роль в судьбе и становлении как минимум двух государств — Израиля и Греции. И надеяться, что твои дети, пусть не сразу, но начнут чувствовать в себе то самое необычное и восхитительное состояние "одесскости", которое ни с чем не спутаешь.

И напоследок хочу привести две цитаты. Первая — из рассказа Александра Розенбойма "Почем сегодня хирург?". Вот она: "Старики постепенно уходят. Но остаются и так же постепенно приходят на их места те, кто вырос рядом с ними в старых одесских дворах, под одесским солнцем и сенью одесских акаций. В каждом из них, будь он врач, слесарь, предприниматель, почтальон, журналист или доктор наук, можно различить черты, свойственные только одесситам и отличающие их от остальной публики. И чем старше становится человек, тем эти черты проявляются все яснее, тем эффективнее срабатывает "генотип" одессита, который не уничтожить. Уже пытались".

А вторая — из книги Олега Губаря "Старые дома и другие памятные места Одессы": "И напоследок. Не обязуйтесь любить старые камни. Не обязуйтесь их помнить. Просто однажды, непредсказуемо, приходит время их собирать. И тогда испытываешь смешанное чувство очищения и просветления".

Аркадий КРЕЙМЕР

Одесса в виртуальном пространстве

Недавно, зная, что я работаю во Всемирном клубе одесситов и имею контакты практически со всеми объединениями одесситов за рубежом, мне задали вопрос: "Сколько одесситов живет за границей?". Сначала вопрос мне оказался нелепым: "Я же не ОВИР, откуда я могу об этом знать?". Потом понял, что возможно, и ОВИР не сможет дать конкретный ответ, так как многие уезжали в другие города Украины, переезжали еще при Советском Союзе в другие города СССР. Но сама по себе постановка вопроса вызвала интерес, тем более что он имеет отношение к той работе, которую клуб делает в течение нескольких последних лет, — занимается созданием электронной базы одесситов, живущих в различных точках нашей планеты.

Мы искали разные подходы к этой работе, но учитывая то, что наиболее эффективным средством поиска является Интернет, мы начали с него. Выявились следующие: на сайтах, находящихся как в Европе, так и в других частях света, зарегистрированы различные группы одесситов (самым интересным оказалось, что на этих сайтах почти не было групп представителей других городов, находящихся на территории бывшего СССР). Нами было разослано более 7000 писем, и ответы на них послужили началом создания базы. Но в связи с тем, что многие данные устарели, писем было немного.

В прошлом году в Интернете появился сайт, привлекший, по сегодняшним данным, более 18 млн. человек, — www.odnoklassniki.ru. Начав работать с этим сайтом, мы увидели, что это наиболее свежая база, и следовательно, наиболее продуктивное для нас поле работы. Уже рассылка первых писем показала эффективность принятого направления. И вот, используя этот сайт, я и попытался ответить самому себе на вопрос: "Действительно, а сколько же одесситов живет вне родного города?". Посчитав количество одесситов, зарегистрировавшихся в школах, начиная со школы №1 и кончая школой №25, я получил 57000 человек, из кото-

рых 49% проживают вне Одессы. Учитывая то, что выбранные мною школы не самые большие, и то, что зарегистрировано на сайте 133 одесские школы, можно легко подсчитать, что на сайт обратилось более 150000 одесситов зарубежья. А ведь в расчет не попали ни те, кто не захотел обратиться на сайт, ни та пожилая часть эмиграции, которая не умеет работать в Интернете. Исходя из этого, учитывая, что среднестатистические семьи состоят не менее чем из трех человек, можно предположить, что это число изменится до 400000-450000 человек. И это, в основном, представители третьей волны эмиграции. Впечатляет.

Но Одесса остается Одессой и в Интернете. В конце апреля этого года начали создаваться закрытые группы одесситов. (Заметьте, опять только одесситов, а не москвичей, киевлян и т. д.) На сегодняшний день это группы: "Одесситы всего мира, объединяйтесь!", "Я — ОДЕССИТ", "Школа 117", "Одесские евреи", "Одесситы всех стран, соединяйтесь!", "O-D-E-S-S-A", "Odessa", "РОЖДЕННЫЕ В ОДЕССЕ", "Одесса все еще смеется...", "Одесситы всех стран — соединяйтесь!", "ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ", "Одесса", "ОДЕССА — мой город родной". (Названия приведены так, как они стоят на сайте.)

И уверен, что это еще не все группы. Суммарное количество зарегистрировавшихся — 20789 человек (по состоянию на 23.07.08). И это за три месяца! Численность групп: от 61 человека до 9312.

Если проанализировать направленность работы этих групп, то можно выделить несколько основных направлений в их работе: группы, работающие на имидж города; группы, собравшиеся просто так для совместного времяпрепровождения. (Здесь кроме, естественно, тем, касающихся Одессы, есть темы, не имеющие к городу никакого отношения. Администратору одной из таких групп я пытался объяснить, что для игры в города, в слова и выяснения вопросов секса есть другие группы. На что мне он ответил, что в Америке ничего нельзя друг другу навязывать. Хотят играть в слова — пусть играют.) Я специально не выделяю ни одну из групп. Очень надеюсь на то, что, в конце концов, работа второй категории групп тоже войдет в нормальное русло. С некоторыми группами мы работаем вплотную и получаем взаимную выгоду, а вместе с нами эту выгоду получает самый главный член всех наших групп — ОДЕССА.

Каждая группа в подзаголовке пишет свой лозунг, определяющий ее отношение к городу. В группе

"Одесса" даже прошел конкурс на лучший лозунг. И он таки лучший, полностью определяющий наше понятие, что одессит — это не только рожденный в Одессе, но и тот, кто ее любит. (Как можно назвать Паустовского не одесситом?) Звучит он так: "Неважно, где ты родился или умер, — важно в промужке успеть быть одесситом!!!!". Спасибо, ребята.

Мы в клубе, учитывая это гигантское количество людей, душа которых осталась здесь, в Одессе, ввели новую номинацию: "Виртуальный член Всемирного клуба одесситов" и в наших письмах приглашаем вступить в клуб всех представителей диаспоры Одессы. Мы надеемся, что пройдет еще время, и все одесские группы объединятся, и возникнет одна — "Виртуальная Одесса", задачей которой будет процветание родного города уже не в виртуальном, а в реальном пространстве.

А то, что к этому идет, видно из того, что появился пусть маленький, ручеек реэмиграции. А это говорит о том, что в Одессе жизнь становится комфортнее, и что не утерян сам романтический миф города. И это несмотря ни на что. Такой ГОРОД!

И надеюсь, что еще раз ко мне обратятся, но уже с вопросом: "А не знаешь, сколько уже вернулось?". Постараюсь ответить.

К книге «Малой, Сухой и Писатель»

Ромочка, Ромочка.
Вот ты и написал замечательную книгу.
Смешную, трогательную и интересную, как жизнь.
Где мы все есть.
Я бы не смог.
Я все забыл.
Я бы написал не о жизни, а о впечатлении от нее.
Вот я и пишу.
Ты сохранил нас.
Ты сохранил Витю.
Ты сохранил Райкина.
Жаль, что я тебе удался меньше.
Жаль.
Был бы хоть какой-то характер, я бы под него подстроился. Я бы оправдал твоё описание.
Из цитат характер автора не создашь.
Доверимся рецензентам.
Я прочел книгу залпом, с волнением и наслаждением.
Я никогда не писал для тебя, для себя.
Я писал то, что хотелось. И когда стало невмоготу, ты мне пришел на помощь, ты стал писать сам.
Видишь, и тут...
И мы снова на перроне.
Мы стоим обнявшись.
— Пиши, Рома, пиши!
— Пиши, Миша, пиши!
Мы снова едем в одну сторону.
Но обросли так, что в одном вагоне, прости, не помещаемся.
Во втором издании попытайся еще раз описать меня. Я сделаю все, чтоб мой образ тебе удался.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ.

Роман КАРЦЕВ

Из будущей книги «Родился я в Одессе»

Открытое

письмо

Жванецкому

Писателю, драматургу малых форм с большим смыслом, артисту, другу, наставнику — коротко, моему всему — Мише Жванецкому. С любовью и уважением — от артиста, исполнявшего с большим успехом роль твоих монологов (я считал!), а вместе с Витей Ильченко — огромное количество миниатюр: "Авас", "Ставь "пису"!", "Собрание на ликероводочном заводе", "Свадьба", "Теория относительности" и т. д., игравшего в спектаклях "Как пройти на Дерибасовскую", "Кабаре шутников", "Встретились — разбежались", "Моя Одесса", "Птичий полет", "Престарелый сорванец", "Политическое кабаре". С искренним благоговением и трепетом перед превосходством твоим над остальными авторами, даже близко не подошедшими к твоему пьедесталу! Пусть много лет еще удастся тебе доставлять удовольствие слушателям и заставлять их задуматься! И благодарю судьбу за то, что дала возможность быть с тобой на протяжении всей жизни!

Это же надо себя любить, как никто! Как никто себя изучать, глядя в зеркало! И внутри! И выворачивать себя наизнанку! Выставлять себя в таком виде, как никто! Как никто удивляться себе! Как никто видеть себя со стороны! Он писал о себе так: "Прическа дохлая, круглое толстое лицо, морщины у глаз и через лоб. Тоскливые серые глаза, где-то около 38-39. Это не температура, это годы..."

Миша! Что ты клеветашь на себя! Я же тебя знал в эти годы! Красивые глаза! Умные! Пытливые! Любопытные! Да, серые! Ну и что! А что? Черные лучше? Зачем так убиваться? А есть еще косые! Успокойся!

А вот ты пишешь: "Не стрижен, не женат, с женщинами не получается". Миша! Что ты несешь! Я же многих знал! Иногда мы были с ними вместе. Да! Тогда ты был в большом сексе! Ты и сейчас врешь! Что ушел. Всех пугаешь! Не нервничай, слушай!

Пишешь: "Завидует чужому успеху, потерял свой. Получает удовольствие от выпивки. Перерывы огорчают. Давно не танцевал..."

Кому ты завидуешь, Миша?! Кто тебя переплунет? Ты что, завидуешь писателю Измайлову? Побойся бога! И когда это у тебя были перерывы с выпивкой? Не смеши! Да, пьешь меньшими дозами! Но с тем же удовольствием!..

А как ты танцевал! В парке Шевченко! Пыль столбом! Грудь колесом! Брюки клеш набухшие! Ты забыл? Я все помню! К тебе стояла очередь потанцевать! Ты чего?!

А это? Из твоего знаменитого монолога — "Я никогда не буду высоким. И красивым. И стройным..."

Ты чего? Хочешь быть высоким и тупым? Красивым и бездарным? Стройным и болеть? Ты чего? У тебя все при тебе! Женщины не любят красивых! Это я по себе знаю. Да, тебя любит одна, но как!..

И дальше ты пишешь: "Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье. И в молодые годы я не буду жить в Париже..."

Миша! Окстись! Мишель Мерсье — половина от твоей Наташи, она липутка рядом с ней! А если бы Наташа не сутулилась? А танцевать с ней? А? Миша! Где твоя голова? Между грудями? Я по себе знаю!

"Не буду жить в Париже..."

А что, Одесса хуже? А что, девушки в Одессе хуже? Нас с тобой в Марселе пытались снять две марсельезки: они были страшные, маленькие, у нас не было франков, они по-русски ни слова... хотя с японками мы договорились молча, они нас сняли без копейки...

Ты пишешь: "Я не возьму семь метров в длину..."

Зачем тебе это, Миша?! Уже прыг-

нули на девять метров! Ты хочешь быть вторым? Не клевети, ты всегда первый! Только не в длину, а вглубь!..

А это что? "И в этом особняке на набережной я уже никогда не появлюсь..."

Миша! Я тебя умоляю! У тебя в Одессе такая халабуда! И не на набережной, а в Аркадии. Не скромничай! Тебе это не идет! Какой ты!.. Умница, а несешь чушь...

"Даже простой крейсер под моим командованием не войдет в нейтральные воды... Из наших не выйдет".

А это тебе зачем? Ты видел эти крейсеры? Они ржавые! Мы же были на авианосце "Кузнецов". Матросы проклинали конструкторов! На кой-ке лежать нельзя, не помещаются! Их тошнит от долгого плавания... А ты жалеешь! Хрен с ним, с крейсером! Пиши, Миша! Что ты зациклился! Помнишь, мама тебе говорила: "Миша, пиши! Миша, пиши! Ты это умеешь, а моряки — нет! Пусть себе томят!"

Ой, а это! "И за мои полотна не будут платить бешеные деньги... И от моих реплик не грохнет цирк и не прослезится зал..."

Мишаня! Что с тобой? Ты хочешь еще писать картины? Тебе мало своих полотен?.. От твоих реплик грохнет не только цирк, но вся страна. Тебя цитируют в Думе, в метро, по радио, ты дежуришь по стране! Не кокетничай!.. Помнишь, к нам подошел Миша Галустян, который "Наша Раша", и сказал: "Я на вас вырос", а ты ответил: "Что же ты, сука, дальше не растешь!"

"Я наверняка не буду руководить большим симфоническим оркестром радио и телевидения..."

Миша! Тебе мало знакомства с альбом Башметом? Пусть себе играет! Он ничего больше не может! Пусть попробует написать "Я видел раков"!!..

"Зато я скажу теперь сыну: "Парень, я прошел через все. Я не стал этим и не стал тем. Я передам тебе свой опыт".

Стал, Миша — и этим, и тем, и нашим всем! Как Пушкин!

И вот недавно так написал:

"Напоминает попугая в клетке. Сидит накрытый одеялом. Вдруг поднимают одеяло — яркий свет, тысячи глаз, и он говорит, говорит. Опустили одеяло — тихо, темно, кто в клетке — неизвестно..."

Миша! Известно всем! Даже под одеялом! Даже в клетке! Иди! Тебя объявили! Выступай! Иди смеши, паразит, иди, любимый!..

Вышел!.. Тишина! Пауза! Смех!..

Вот что ты заработал! Имя! Овации! А это дороже денег!..

Твой Рома

Успокойтесь, мама!

Мама! Сядьте уже, мама, шо вы шнераете туда-сюда, отдохните, мама, шо вы, домработница?! Есть кому двигать мебель, зачем вам ее переставлять, мы сами переставим, когда захотим! Мама, не двигайте диван, он тяжелый.

А чего вы стали клеить обои в гостиной? Мама, сойдите со стремянки! Вы упадете, у вас борщ выкипает и пирог горит. Мама, сядьте вже!

А где мои и Гришины дубленки? Сдали в химчистку? Зачем? Они чистые, я их только что забрала оттуда! Мама, вы хоть спросили бы!

Мама, шо вы делаете в огороде? Зачем? В магазинах все есть! Кому? Сереже? Картошку? Зачем?! Он шо, вас просил? Нет! Так шо?

А зачем вы ему перестелили крышу? И построили собачью будку? У него нет собаки!

Мама, отдохните, вам уже пора! Какие уроки с Ленчиком? Он сам сделает, вы уже с ним получили две двойки! Не надо разбираться с учителем! Мы сами разберемся!

Боже мой! Что вы делаете, зачем вы поменяли резину на зимнюю — еще нет снега. И вообще к машине не подходите!

Мама, шо вы сели за рояль! В два часа ночи! Все спят! Шо тихо! Мне уже звонили соседи: "Прекратите шуметь!" И вообще, вы спите с включенным телевизором, там крики, стрельба. Люди пугаются, а вы спите спокойно...

И потом, я не могу выносить этот запах! Вы покрыли паркет лаком! Мама, успокойтесь, вам уже шестьдесят пять лет. Сойдите с крыши, сегодня не будет затмения!

Завтра поедете с Ленчиком на теннис? Не надо! Он не любит теннис. А? Вы любите? По дороге купите крышки? Какие крышки? Консервировать огурцы, помидоры, баклажаны! Соления... Зачем? У нас с прошлого года осталось сто банок! Кому? Сереже, Лене, Коле... Соседям?

А где вы вчера были в такой холод? На митинге? Вы в движении со-

противления? Против убийства собак? Мама, шо вы везде лезете! Шо вам больше всех надо?! Шо вы суετε свой нос всюду?! Мама! Вас же не просят!

А зачем вы играете на бирже, купили акции?! А если дефолт? Откуда вы знаете? Вы уже были в МММ... Что? Купили акваланг? Плавать с акулами?.. Мама, шо вы уже под воду лезете?! Вам мало на суше? Не хватает, шо вы сиганули с самолета. Уже готовитесь? Вам шо, мало воды?

Шо-шо? Пишете оперу? Кому? Зачем? Заказали? Кто? Ла Скала? Мама! Вам шо, приснилось? Вы шо, з глузду з'іхали? Мама, не суєтитесь! Посмотрите на себя! Зачем вам пластическая операция? Замуж? За кого? За футболиста? Сколько ему лет? Тридцать два?! Мама, шо вы возвращаете малолетних? Шо вам не хватает? Страсти? Бурных ночей? Ну да, днем вы заняты!..

А когда свадьба? Уже была? А где он будет жить? С вами на чердаке? То-то я смотрю — вы туда затащили рояль! Картошку! Шпроты!.. Как хоть его зовут? Джон! Американец? Где вы его подхватили? На футболе! В Лос-Анджелесе? А, вы там делали пластическую операцию...

Мама, а кто будет варить, стирать, сажать цветы, — вдумайтесь! Мама, вы шо! Мама, не выпендривайтесь. Мы же вас любим! Ах, свадьбы еще не было? Вы пошутили со свадьбой?.. Разве так шутят?! Вы что, обрендили?!

Так! Мы с Гришей идем в театр, а вы отдыхайте. Ну, как всегда! Как обычно. Пока! Пока!

Вы уезжаете в Америку? И где вы будете жить? У него? На вилле? Наконец сядете за руль... Он вам подарил "крайслер"? У него яхта? Четверо детей, две собаки? Он учится на врача?.. А кто нам будет варить? Сами? Да вы шо?! Мы же вас любим! Вы шо, чокнулись, мама, совсем обрендили?.. Когда самолет? Завтра? Да вы шо?!

Алле, алле! Мама? Какая Джени? Мама Джона... Здрассте! А где наша бабушка? В огороде? Сажает картошку? А что, в магазинах нет? Собирается делать ремонт? Начала играть в футбол? Собирается рожать? Вы шо!.. Подошла? Дайте ей трубку!

Мама, вернитесь! Вам там нравится? Они не умеют варить борщ? Солить грибы? Штопать... Болтаешь на английском?.. Они вас любят, а мы? Мы тоже любим!.. Мама, где Ленчика спортивные штаны? У нас поломалась посудомойка, отсырел рояль! Нет солений!.. Приедете? Когда? Закончите ремонт?!

Мама, вы за старое? Успокойтесь! Отдохните! Как дети? Ленчик болеет! Что? Летите? Когда? Лена, бабушка к нам летит! Какой рейс? На своем самолете? Мама, привезите шо-нибудь сладенькое! Пока! Да, встретить не можем. Добирайтесь сами!

Анатолий ГОРБАТЮК

И зачем только они пишут об Одессе?..

Последнее время известная поговорка "Краткость — сестра таланта" вызывает в моей душе самый активный протест. И как это ни странно, протест этот вызван публикациями о становлении нашего города, которыми "балуется" (иначе и не скажешь) киевская газета "Сегодня", имеющая свой филиал в Одессе. Казалось бы, читай и тихо радуйся, что столичная газета уделяет внимание твоему городу, да вот как-то не получается, и я постараюсь объяснить читателю, почему.

Правда, впервые в этом плане меня несказанно удивила лет семь-восемь назад одна русскоязычная газета солнечного Лос-Анджелеса, которая на одной своей весьма скромной по размерам полосе поместила не только всю историю юной Одессы, но и главные события (так, очевидно считала редакция) из жизни адмирала де Рибаса, герцога Ришелье, графа Ланжерона... Меня не столько поразила полная дремучесть автора в освещаемом вопросе, сколько его откровенная и наглая самоуверенность: то, о чем написаны многотомные исследования, здесь поместилось на 2-х страничках машинописного текста. "Да ладно! — начал успокаивать я себя. — А что они там могут написать? Литературы — никакой, с Интернетом, очевидно, не дружат...". И, представьте, успокоился...

Но сейчас ведь — совсем другое дело! Корреспондент столичной газеты, находящийся в городе, им описываемом, имеющий, в конце концов, доступ в библиотеки, вещает об этом городе и его основателях или откровенное вранье, или просто несусветные глупости.

Просмотрим вместе публикацию об основателе Одессы Иосифе Дерibasе ("Сегодня" от 17.06.08). Автор — Александр Сибирцев. Очерк состоит из нескольких небольших разделов, сами названия которых вызывают негодование, потому что — повторяюсь — речь идет о человеке, чтимом многими поколениями одесситов.

Вот раздел "Лжедворянин". Повторяю какие-то невероятные домыслы, которые давным-давно развенчаны серьезными исследователями, А. Сибирцев, называет с изрядной долей иронии Рибаса "выходцем из солнечной Италии". Более того, ставит под сомнение дворянское происхождение героя очерка, даже не подозревая, что относится тот к древнему роду де Рибас, известного в Испании много веков назад. И сегодня в этой стране насчитывается порядка двадцати городов и местечек с названием "Рибас", один из них — San Pedro de Ribas — расположен в 50 км от Барселоны. А отец его — Дон-Мигель де Рибас-и-Бухонс — занимал не "загадочную должность" директора Министерства управления военных и морских дел" (так продолжает иронизировать наш "литописец"), а возглавлял сразу два министерства — военное и иностранных дел. И не "при короле Сицилии", а в Неаполитанском королевстве. Не слишком ли много промахов на такой короткой "дистанции"? Но это, к сожалению, только начало...

"Тайный агент" — такое название носит второй раздел, где А. Сибирцев рассказывает об участии де Рибаса в пленении известной авантюристки "княжны Таракановой". Однако Рибас никак не мог быть участником этих событий. Операция по аресту и вывозу "княжны" в Россию началась в мае 1774 года и закончилась ровно через год, когда эскадра, на борту одного из судов которой находилась арестованная авантюристка, прибыла в Петербург. Де Рибас же в этот период сражался под Козлинцем и у Ени-Базара, за-

тем была служба в Петербурге, в Шляхетском корпусе. Кроме того, в отчете Екатерине о выполненной операции по похищению Алексей Орлов подробно перечисляет действия каждого из ее участников, и имя де Рибаса здесь вообще им не упоминается, — это ли не достаточное доказательство его неучастия в захвате самозванки?

Но это не все. Такое серьезное научное издание, как знаменитый "Русский биографический словарь", вышедший в конце XIX-го столетия, подробнейшим образом излагая биографию Рибаса, также ни слова не говорит об участии его в обсуждаемом инциденте. Теперь достаточно доказательств? Но и это не все. Если читатель обратится к труду польского историка К. Валишевского "Вокруг трона" (издательство "Сфинкс", Москва, 1911), он обнаружит там детальное изложение

А. Г.) все ее приближенные... крали миллионами, и основатель Одессы... отнюдь не отставал от остальных". Смотрите, как это созвучно с тем, что говорил более 200 лет назад ненавидевший зарождающуюся Одессу и трудящихся на ее благо "инородцев" граф Растопчин, выступая в Сенате: "То, что крадет один только Рибас, превышает 500000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта... в Хаджибее, прозванном Одессой". В книге "Дитя Европы" я писал по этому поводу: "Это говорилось в июле 1796 года. Но, как уже упоминалось, в 1794 году на строительство порта было потрачено менее 40 тыс. рублей, в 1795 году — около 88 тыс. рублей, то есть всего — около 128 тыс. рублей. Может быть, кто-нибудь подскажет, как из 128 тысяч можно украсть 500, а "на остальные" еще и построить кое-что?"...

"Новороссийский телеграф" уверяет своих немногих читателей, что одесское население "...не знает настоящего труда и живет одним обманом или же маклерством". А между тем, есть ли в Империи город, сделавший так много для отечественного хозяйства земского, как Одесса?.. Это цитата из "Памятной книжки Одесского градоначальника на 1880 год"...

Недругов у Одессы действительно всегда было в избытке — буквально с дней ее становления. Великолепный знаток одесской старины Д.Г. Атлас в историко-краеведческом эссе "Старая Одесса, ее друзья и недруги", вышедшем в 1911 г., очень точно описывает не только их — недругов — деяния, но и мотивы, побуждающие возводить одну напраслину за другой. Понимаете — мо-ти-вы! Граф Растопчин, "крайний патриот", по меткому

Фото Евгения Волокина.

всех событий, связанных с "княжной", и — опять же — ни слова о де Рибасе! Теперь, кажется, доказательств уже предостаточно...

Но и это тоже еще не все. Интересен неординарный взгляд на те давние события лица, так сказать, "заинтересованного" — автора фундаментального изыскания "Род де Рибас и Сабир" С.С. Положенского: "Доказательства заставляют нас, не без сожаления, склониться к принятию версии о неучастии Рибаса в пленении Таракановой. Не без сожаления — потому что мы решительно не находим ничего низкого и предосудительного в поведении де Рибаса в случае его участия, а наоборот, гордились бы предком, совершившим такое дело: осуществление честолюбивых планов Таракановой потрясло бы государство не меньше, чем смута начала XVII-го века... Очень жаль, что приходится это дело из его биографии исключить". Вот вам и "тайный агент"...

В следующем разделе, рассказывая о взятии Измаила, не слишком большой, как выясняется, знаток истории Сибирцев пишет, что "...в момент штурма Осип Михайлович стоял на головной чайке (казацкая лодка. — А. Г.), размахивая шпагой. При этом иностранец громко ругался трехэтажным русским матом, перемежая его итальянскими терминами". Оставим на совести автора некоторые заблуждения по поводу "итальянских терминов" (лично я склоняюсь все же к "терминам испанским"). Укажем на главную ошибку: не мог де Рибас на носу чайки размахивать саблей, потому что, как следует из самых серьезных источников, он первый, во главе черноморских казаков Чепеги и Головатого, ворвался на считавшийся неприступным турецкий бастион ("кавалер"). Действия же отряда Кутузова, входившего в войска Суворова, носили лишь отвлекающий характер.

В разделе "Заговорщик" автор вслед за давними недругами Одессы вытаскивает на свет Божий давно опровергнутую версию о нечестности Рибаса. Он, в частности, пишет: "В эпоху матушки (Екатерины II. —

А вот А. Сибирцев рассказывает, как "Одессу Осип Михайлович планировал по образу и подобию Неаполя и Палермо — улицы шли строго от моря". И это говорится в то время, когда любой одесский школьник знает, что "планировал Одессу" вовсе не де Рибас, а его единомышленник — голландский инженер де Волан. Последний же брал за основу труды великого древнего римского зодчего Витрувия. Вслед за своими античными предшественниками, основавшими когда-то здесь город Борисфен и Гавань Истриан, Франц де Волан воспроизводит их опыт и размещает будущую Одессу на том же самом — выгодном — месте. А Неаполь, и тем более Палермо, здесь ни при чем.

Невольно задаешься вопросом: как подобное может производиться на свет корреспондент столичной газеты? В погоне за гонораром? Скажу прописную истину: деньги следует зарабатывать честно, не обольщая доверчивого читателя.

...Одесситы в течение семидесяти лет советского лихолетья привыкли к тому, что их прекрасный город находится в некоей информационной блокаде, умело контролируемой двумя столицами — Москвой и Киевом. Блокада эта опутывала Одессу постепенно, так что жители ее поначалу ничего не замечали, а когда обнаружили, что их миллионный город совершенно перестал интересоваться центральной и республиканскую прессу, — в основной массе своей никак не возмущались, выдали десяток "фирменных" анекдотов по этому поводу и продолжали жить, как жили всегда, — шумно, весело, немного беспорядочно... Две столицы продолжали как должное постоянно принимать из города, которого как бы и нет, поток оперных певцов и физиков, писателей и космонавтов, музыкантов и спортсменов, которые очень быстро становились гордостью державы.

Приведу выдержку из весьма интересного документа: "...Ни один город... не подвергался и не подвергается таким зловещим нападкам и клеветам, как Одесса. Газета

определению автора, ненавидел "чужеземца" де Рибаса не только за происхождение: граф был сторонником "партии" вице-адмирала Мордвинова, отстаивавшей преимущество вложения средств в строительство Очакова, а не "ничтожного городка на Юге России"; Ф.Ф. Вигель, чиновник канцелярии М.С. Воронцова и мемуарист, всячески принижая в напечатанной в 1827 г. "Записке о Керчи" роль Одессы, указывает на кажущуюся ему предпочтительность того же Очакова и Керчи; историк М.П. Година, побывавшего в Одессе в 1846 г., раздражала многоязычность и космополитизм местного населения ("Одесса — город иностранный, а потому в нем все плохо")...

Слава Богу, канули в Лету и лихие времена советского безвременья, когда про Одессу можно было прочесть только что-то негативное. Начиная с конца 1980-х появилось огромное количество литературы, правдиво и с любовью рассказывающей о нашем городе. Более того, о нем теперь издаются книги за рубежом (лучшая, на мой взгляд, из них — "История Одессы, 1794-1914" Патриции Херлихи), что говорит не только об интересе к Одессе иностранного читателя, но и еще раз подчеркивает ее исключительность.

В то же время все чаще мы сталкиваемся с попытками говорить об Одессе и ее поистине великих гражданах если не высокомерно, то уж наверняка с какой-то небрежностью, и одно дело, когда это позволяет себе люди случайные и к Одессе отношения не имеющие, и совсем другое, когда подобным образом поступают не просто обыватели, но люди образованные и просто обязанные по роду своей деятельности быть максимально точными, если речь заходит о Городе и его истории. Одну иллюстрацию к сказанному я привел в начале очерка.

А еще мне хочется посоветовать одесситам: ни в коем случае не читайте опус под названием "Шпион-губернатор и мэр-бизнесмен", опубликованный ранее в газете "Сегодня", под которым стоит фамилия

все того же столичного корреспондента. Потому что с вами может произойти то же, что и с несчастным учителем географии из "Золотого теленка" И. Ильфа и Е. Петрова. Для подзабывших ту жуткую историю приведу короткий отрывок из бессмертного романа: "Географ сошел с ума совершенно неожиданно: однажды он взглянул на карту обоих полушарий и не нашел на ней Берингова пролива... Все было на месте... а Берингов пролив отсутствовал. И тут же, у карты, старик тронулся". Понимая всю серьезность ситуации, авторы романа в примечании указывают: "Отсутствие пролива было вызвано головоутием издательства...". Немаловажное, я бы даже сказал, — поучительное заявление...

...Очерк этот я и сам читать не собирался: вполне достаточно одного заголовка, чтобы в очередной раз ощутить необычайную легкость, с какой пишется о лучших людях Одессы, на этот раз — о Павле Коцебу, последнем генерал-губернаторе Новороссийского края, и Николае Новосельском, одесском городском голове. Но совершенно случайно взгляд мой уловил следующее (прошу прощения за длинную, по необходимости, цитату: "Мост... был возведен... в 1892 году по улице Почтовой (ныне Бунина)... Мост уникален одной малоизвестной достопримечательностью: на его решетке, с внешней стороны, сохранилось старинное изображение дореволюционного царского герба Одессы. Большой литой щит... замечен лишь с Карантинного спуска, отчего и пережил советскую эпоху. А так — сняли бы... Помимо моста в честь Коцебу была названа и глазная больница... (везде курсив мой. — А. Г.)".

А теперь прошу войти в мое положение. Ясно, что речь идет о мосте Коцебу. Но при чем здесь улица Почтовая? На ней действительно был возведен мост, но носил он имя не Коцебу, а Новикова, и построен он был еще при светлой памяти М.С. Воронцова! А далее написано такое, что вообще волосы начали шевелиться, — "ныне Бунина". Это уже настоящий бред, потому что та, которая "ныне Бунина", имела достаточно много названий (и Полицейская, и Кондратенко, и Розы Люксембург, в конце концов), но Почтовой никогда не была! Почтовая — это нынешняя улица Жуковского. И так (информация специально для нашего "знатока" одесской старины): мост Коцебу был построен на улице Полицейской.

Идем дальше. Да, действительно, ажурную решетку моста украшают гербы Одессы, — но никак не царские. И вообще, что это значит: "царский герб Одессы"? Или царский, или одесский. Договорились?..

И последнее. Оно, конечно, очень даже приятно — лишний раз пнуть ногой советскую власть. Приятно и, главное, совершенно не опасно. Но насчет того, что гермам что-то угрожало, — абсолютное вранье. Даже если неразумно предположить, что советские чиновники никогда не ходили и не проезжали под мостом. Заявляю это совершенно официально как горожанин, в середине 1970-х поднявший тревогу по поводу исчезновения одного из этих самых двух гербов — с левой стороны, если двигаться от Канатной в сторону филармонии. Мой голос был услышан, и председатель горисполкома дал команду изготовить новый герб, для чего была снята "маска" с сохранившегося. Вот так, "гражданин соврамши", как сказал бы в этом месте Коровьев!..

Нет, рассудок мой все-таки не помутился от переваривания совершенно не съедобного литературного варева, приготовленного поварами-неумейкой, но утверждал и продолжаю утверждать — слишком много ляпов для нескольких очерков, тем более что речь-то идет об абсолютно известных фактах! И между прочим, приведенные два примера — малая толика глупостей об Одессе, опубликованных на полосах этой столичной газеты. Чего только стоят очерки "Мифы графского двора", "Правитель Юга"... Нет, неспроста, видать, Денис Иванович Фонвизин когда еще сказал: "Слава Богу, что за вранье пошлится! Ведь куда всем нам какое было разорение!"...

Владимир КАТКЕВИЧ

Капитанам обижаться не положено

"На курсе фордевинд передние паруса могут быть вынесены на бабочку", а их шкоты потравлены настолько, чтобы ветром их вынесло ВПЕРЕД".

"Организация службы на учебно-спортивной яхте "Лейтенант Шмидт"

БДЕНИЯ С КОТОМ

Капитан N обитает замкнуто и одиноко, сын его тоже капитанил, но давно ушел из жизни, и N "травить" не с кем. Да и незачем.

— Что-то, Вася, не видать рыболова на Карантинном молу, — заговаривает N с котом. — Наверное, шторма отпугнули...

Бессонными ночами с балкона элитной девятиэтажки на Комсомольском бульваре, откуда порт как на ладони, капитан высматривал огонек-искорку, известную одному ему. Возможно, так когда-то напряженно ждал мерцательную вспышку маяка "Будаки", этот скромный огонь как аванс возвращения, он первым обрадуется, когда судно стремится из Босфора домой. Фонарик оживал ближе к окончности выгнутого саблей Карантинного мола, там, где было когда-то оборудовано пулеметное гнездо. N даже перемигивался с карантинным отшельником с помощью судового аккумуляторного фонаря, но однажды огонек иссяк, как оказалось, навсегда. Капитан до сих пор не догадывается, с кем семафорил. А звали отшельника Володей. Володю, пенсионера-корпусника с агонизирующего второго судоремонтного завода, непогода не смущала, он в пулеметном гнезде-ловушке утонул, как котенок в ведре, тело так и не нашли. О диком случае поведал мне смотритель маяка. Капитан же N о трагедии времен отечественной депрессии никогда не узнает. Оно и к лучшему.

Отставной капитан N помнит, как в 99-м турецкий буксир, надрытаясь машинами и усердствуя на переменных курсах, отрывал с отмели у пятого причала приговоренный к разделке паровой плавкран, находившийся на балансе того же самого горемычного второго шпильда. Но, разумеется, пожилой капитан не видел с расстояния в три кабельтовых, что стармех лендлизовского (!) крана, горяю о кормильце, просидел ночь на кнехте, а утром его увезли с инсультом.

N не выходит на улицу несколько лет, но регулярно просматривает морские газеты, которые приносит внук, он насыпан о зловещих рейдерских захватах, о массовых авариях в Керченском проливе, замечает изменения в порту и акваториях.

— На хрена, Вася, — говорит коту, — нам нужен еще один паразит в виде "Укрморпорта"?

В поле зрения его угодил и "Бриз", проникший в Практическую гавань, weather-ship, перепрофилированное судно службы погоды. О череде скандалов вокруг "Бриза" N был слышан из газет. У борта судна в Практической гавани ближе к Андреевскому молу наблюдалась суета. N догадывался, что "погодный" пароход снаряжают в рейс на Стамбул "возить жвачку". Из газет, в том числе и по публикациям автора, N был осведомлен, что капитаном на "Бризе" Владимир Щиплецов, и искренне радовался востребованности старого знакомого. Щиплецов, пожалуй, единственный плавающий человек, коллега по цеху, с которым капитан N с тех пор выходит на связь по телефону.

— Понимаешь, Володя, я неважно выгляжу, возраст дает себя знать, — оправдывает затворничество N. — Негоже в неопрятном виде объявляться на людях.

Капитан N участвовал в двух се-

верных конвоях, "PQ-16" и "PQ-18". В печально знаменитый "семнадцатый", воспетый В. Пикулем, не угодила случайно по ремонтной причине, пароход поставили в док в Монреале. Потому, возможно, и уцелел. Там же, в Канаде, союзники попросили поздравить население по местному телевидению с Новым 43-м годом. Ничего особого N вроде не позволил, но визу-"светофор" прихлопнули надолго. Плавал по Крымско-кавказской линии на самом скоростном трофейном пароходе, с обводами крейсерской яхты, личном плавсредстве маршала Иона Антонеску. "К корпусу футовую линейку не приложишь", — говорили моряки. Если кто-то пытался обогнать румынский скороход, капитан командовал:

— Машина, прибавить обороты!

Покидал мостик, когда зарвавшейся "этажерке" показывали корму. За эту профессиональную гордость его уважала команда. На Крымской и познакомился с Владимиром Щиплецовым, тогда капитаном "Колхиды", тоже отлученным от заграники по вымысленному навету. Щиплецова ни много ни мало хотели упрятать в Египте в бетонированную яму-зندان, за то, что в Красном море якобы протаранил и потопил египетскую подводную лодку: сорок душ совершили марш на дно. Сдружились, будучи на равных, а если бы довелось топтать один мостик, наверняка бы накопились претензии или даже обиды, — так часто бывает, когда живут на замкнутом пространстве, ограниченном фальшбортами.

— Жаловался ли вам на судьбу N? — спросил я невольничка Щиплецова.

— Капитаны разве жалуются? — удивился Владимир Васильевич.

Незаслуженные обиды у N копилась и позже, на Крымской, ветеран северных конвоев долго конфликтовал с помполком.

— Бородавка, я знаю, что ты за мной следишь, — провоцировал N комиссара.

Первый помощник строчил письма в партком, и в конце концов, "съел" мастера, N таки сняли с любимого парохода, макет которого в футляре у него хранится на шкафу. Став "безлошадным", капитан недолго перебивался на подменах, приживаясь временно в чужих каютах. Потому висевший над родной девятиэтажкой Комсомольского бульвара лозунг "НАРОД И ПАРТИЯ — ЕДИНЫ!" воспринимал иезуитским лукавством. Когда N проводил в порт трофейный пароход (створный огонь в ста метрах на чердаке дома № 5 по Советской Армии), лозунг уже тогда колот глаза. Во времена северных конвоев еще беда сплавляла, а потом при произволе первых помощников — о каком единстве могла идти речь? Достаточно было "наклепать маляву" в партком о том, что капитан приобщил буфетчицу или позволил себе после зябкой вахты лишние пять морских капель, и капитана благословляли в каботаж, он становился кавказским пленником, дальше Крымско-кавказской линии ему путь был заказан.

— Как вы считаете, нужен ли институт первых помощников? — спросил у Щиплецова в Министерстве морского флота заместитель по идеологии, Владимира Васильевича тогда утверждали в должности капитана.

— Считаю, что нужен, но в нынешнем виде он неприемлем, потому что присылают отставных пожарников и конников, которые дремучим невежеством дискредитируют идею, — честно отреагировал тот. — Нужны образованные люди, которые бы ориентировались в быстро меняющейся политической обстановке, могли бы толково рассказать

экипажу о стране, куда плывут, традиции, обычаях, наконец.

— Где же я их возьму? — огорчился ответственный товарищ.

Кстати, N плавал еще до войны, когда комиссаров на борту не было, и у него претензии укоренились глубже.

— Встретимся, когда потеплеет, — обещал капитан N нынешней зимой Щиплецову. — Приведу себя в порядок, сделаю санаврал в квартире, тогда и поглядим.

Накануне Дня Победы автор пробовал прорваться к N с другим капитаном, Анатолием За-ным. Сначала N согласился на интервью, но когда пришли, схитрил, не отворил брондверь.

— Это ваш второй помощник Анатолий Иванович, — дросселировал свой командирский голос в замочную скважину За-ный. В ответ только тревожно мяукнул кот. Если б суждено было дожить до такого возраста, возможно, автор тоже бы притаился. Отсутствие же прямого контакта не дает морального права озвучивать фамилию, которая широко известна в морском городе.

АПОСТОЛЫ ПАРОХОДЫ НЕ ВЫБИРАЮТ

На совместных стоянках в портах Крыма и Кавказа взаимные симпатии Щиплецова и N обнаружили не случайно, потому что разговаривали на одном языке. "Компас" на этом языке с ударением на первом слоге, а "шпили" на последнем. Ведь к тому времени Щиплецов уже прошел школу легендарных капитанов Гарагули, Кнаба, Дондуа, Гогетидзе, Лукьянченко и других. Это была суровая закалка, потому что патриархи морского извоза собрались принципиальные, жесткие, беззаветно преданные Делу. О Гогетидзе, например, сами грузины в Батуми говорили:

— Он плохой человек, он не грузин, его из Турции привезли мальчиком.

Жаль, что эта генерация непритязательных командиров-бессребренников напрочь истреблена. Мы причитаем по загубленному воплях флоту ЧМФ из 330 единиц, который исчезал не только в Аланге под газовым резаком индийского рабочего, но и растворялся в аврально учрежденных "оффшорках" Кипра и города Лондона. Серийный балкер можно построить поточно-секционным методом за три месяца, полноценного же капитана, не скороспелку-выскочку, надо растить лет пятнадцать, а то и двадцать, раньше по десятку лет на шеврон тратилось.

Да и само оздоровительное понятие "эстафета", когда бегут недолго, ноздря в ноздю, на параллельных курсах не отвечает сути. Ведь они бороздили моря в одно и то же время лет тридцать — грузы возили, людей, сахар для Ирана, оружие в братские страны, битум из Албании. Работали зачастую на разномасштабных трофейных пароходах, берегли штучные реликвии, гордились диловками, потому что других не было. Даже военные сборы Щиплецов проходил в Севастополе на трофейном крейсере "Керчь". Итальянское происхождение не крейсера отнюдь не облегчало судовую службу. Так кадеты буксирный стальной конец толщиной с ногу чистили до блеска, обильно смазывали солидолом, а потом вручную наматывали на "вьюшку".

Первокурсник высшей мореходки Володя Щиплецов карабкался по вантам двухмачтового учебного кэча "Лейтенант Шмидт" еще в 55-м, когда только предчувствовали не-

слыханный пароходный бум, пик которого придется на семидесятые. Задачу плавпрактики, как записано в брошюрке-методичке, "приучать курсантов терпеливо и бодро переносить трудности морской службы", он усвоил особенно четко. А все остальное, когда выбирать бизань-дирик-фал до марки и крепить на нагели свободными шлагами, когда грот ставить, когда стаксель и летучий кливер, апсель и топсель, — эти премудрости сами к нему липли. Приобретенные навыки пригодятся при работе с парусами на барке "Товарищ", где мачты куда выше. Парусный капитан Олег Ванденко тогда еще не стал хрестоматийной легендой, а скромно плавал четвертым помощником, за ним была расписана мачта бизань.

На танкере-серийнике "М. Горький" (не путать с лайнером "Максим Горький") пятикурсник Щиплецов плавал уже старшим рулевым. Капитан Стурау доверял курсанту маневрирование в лабиринтах заморских портов.

— Малый, пойдй сюда, — говорил капитан Стурау при выходе из Амстердама, — становись на руль.

— Отправят на пенсию, куплю бельгийскую винтовку и пойду на охоту, — мечтал вслух старый капитан.

Умер Георгий Дианасович прямо на мостике, как и многие.

Щиплецов рано убедился, что иногда трудности вызваны невнятной формулировкой поставленной задачи. Чтобы немного подзаработать, пошел курсант третьего курса Володя Щиплецов помощником кочегара на теплоход "Лазарев". Подсобнику положено подвозить уголь к топке, убирать шлак, поднимать бадью к фальшборту. Володя с желанием окатил рубиновый шлак водой и очнулся у переборки.

— Ну, что понял? — спросил разгоряченный работой, да еще и оспа-

ренный парами кочегар. Он приварил Щиплецова в ухо.

Потом уже окатывал шлак равномернее, не так яростно.

Он не из морской династии, как, впрочем, и N. Особенно буйно династии разветвились в ЧМФ в семидесятые. Направили к нему под крылышко отпрыска, а команда приняла "шишкаря" в штаны.

— Если вы хотите добра своему сыну, то заберите, потому что команда с ним что-нибудь сделает, — посоветовал Щиплецов влиятельному батюшке.

Тем не менее, династии не отвергает, не костерит, хотя гении чаще рождаются в многодетных семьях бедных сапожников.

Щиплецов родился в Москве в 3-м роддоме на Арбате. Там же увидели этот мир и два его брата. Семья обитала в однокомнатной квартире, тогда многие жили плотно. После окончания школы сказал:

— Мама, поеду в Одессу на госбеспечение. И тебе легче будет.

На место в ОВИМУ претендовали 30 человек. Половину отселяла мандатная комиссия, других забраковали дотошные медики.

Пройдет пятьдесят пять лет (!), и в самое мутное безвременье на исходе девяностых капитан Щиплецов приведет из Стамбула в Новороссийск "бичевоз" "Шаталово" с "грузом жвачки". На бывшем "бээрэмтэ", большом рыбоморозильном траулере, немилосердно обкатанном атлантическими штормами, заварили слип и перепрофилировали его под перевозку ширпотреба — только и всего. Досмотровые власти выразят неудовольствие по поводу скудности навигационного оборудования на ходовом мостике. Когда выяснится, что один из строгих контролеров тоже впервые вякнул в третьем роддоме на Арбате, претензии будут сняты "за предста-

вительской рюмкой чая". Недостаток штурманского оборудования на последней своей морской судьбе Владимир Васильевич компенсировал сумрачным природным нюхом и недюжинным опытом.

АРАБЫ НАЗЫВАЛИ ЕГО ХОРОШОВ

К трудностям же морской службы, которые положено переносить безропотно, относятся и немотивированные назначения, вызванные сиюминутной необходимостью.

Пришел Щиплецов после окончания "бурсы" третьим штурманом на грузопассажир "Белоостров", а его поставили пассажирским помощником. Ходили в Албанию на Дуррес, была такая пассажирская линия. На пароходе направлялся в Ялту для лечения генсек компартии Франции Морис Торез с женой и соратницей Жаннеттой Вермеерш.

Потом попал на "Латвию".

— Прибыл для прохождения дальнейшей службы третьим помощником, — доложил.

— А кем ты был на "Белоострове"? — уточнил капитан Говетидзе. — Пассажирским.

— Вот и у меня будешь пассажирским.

— Так я же...

— Я сказал, будешь.

Отработали навигацию, и его повысили до второго помощника. Второй, "секонд", как известно, отвечает за груз, но поскольку неодушевленного попутного груза было мало, основной живой груз фактически составляли пассажиры, которыми ему и приходилось заниматься пристально. При этом стоял одну ходовую вахту с 16 до 20.

Весной уже следующего года плывут по расписанию, как "дисциплинированный трамвай". Пришли в Ялту. Капитан вызывает и говорит:

— Получили РДО. Тебе приказано срочно из Ялты прибыть в Одессу.

— Я что, чемодан? — ершится Щиплецов. — У меня в каюте жена, ребенок.

— Я — старый, а ты молодой, тебе ругаться нельзя, — предостерегает капитан.

Вещи оставили на судне, а жена и ребенок полетели с ним. Прибыл к начальнику пассажирского управления Ивану Андреевичу Сидорову.

— Получили из Висмара "Литву", — сообщил Сидоров. — На "Литве" есть бассейн, хоть и похож он на корыто. А на "Латвии" нет, поэтому "Латвия" не может обслуживать экспрессную марсельскую линию. Ты отработал навигацию на "Латвии", теперь пойдешь на однотипную "Литву".

"Литвой" командовал Дондуа, тоже легендарный капитан, впоследствии с опозданием из-за трех побегов членов экипажа удостоенный звания Героя Социалистического Труда.

Отработал навигацию. Снова пассажирским помощником. Щиплецов безропотно нес "пассажирский" крест, хотя это тормозило карьерный рост.

— Сергей Левонович, может, сделате меня третьим помощником? — взмолился Щиплецов.

Как раз капитан выгнал бухгалтера, который записал. Щиплецова произвели в третьи помощники. Каждую неделю получал извещение мореплавателям, правил карты неведомых морей, где какой буй сорвало, где косу намыло, где пароход нашел "меляку", став по картам безымянным затонувшим объектом. Еще раз в неделю выдавал зарплату в валюте — рейс-то всего 11 дней. Два раза обсчитал себя. Итальянские лиры, конечно, не вернули.

На "Литву" снова подсел Морис Торез с тремя сыновьями — Жаном, Полем и Пьером. Пьер, кстати, окончил одесскую мореходку.

Французский генсек узнал Щиплецова и сказал Дондуа:

— А я его видел на "Белоострове".

Экспрессная линия "Литвы" предусматривала и ближневосточное плечо с заходами в Бейрут, Александрию, иногда Латакию. Пассажирскому приходилось решать головомолки с паспортными неувязками. Скажем, у сирийского пассажира паспорт гражданина Объединенной Арабской Республики, а такого искусственного государства уже нет в помине. Что делать?

— Хорошо, — бросал на ходу пассажирский помощник Щиплецов, летая по палубам с паспортами, где на фотографиях граждане преимущественно с усами.

Арабы прозвали его Хорошов.

Бешеным спросом на ближневосточной линии почему-то пользовался аспирин. Доктор рассыпал разные безобидные витаминные порошки в кулечки и писал: "Аспирин".

Однажды в Бейруте на борт приняла до Одессы православных священников, они направлялись на какой-то собор, кажется, в Загорск. Щиплецов заметил, что один из святых отцов не очень чернобород. Перед приходом в Одессу "священник" и вовсе побрился, снял ясу и облачился в гражданское. Капитан потом проговорится, что с помощью такого маскарада спасли после провала разведчика Филби.

На "Армении" капитан Дмитрий Васильевич Кнаб как-то вызвал и сказал:

— Я ухожу на пенсию, здоровье шалит, а ты останешься капитаном. Я договорился в пароходстве.

В пароходстве начальник отдела кадров Фоскаренко сказал:

— Володя, выручай! Надо сходить на "Армении", но зарплату будешь получать старпомовскую.

Если бы не явились в пассажирских помощниках, возможно, дорос до капитанских шевронов и раньше. Ведь прецеденты были. Так Алексей Васильевич Морозов стал капитаном танкера "Вайан Кутюрье" в 26 лет.

В Мраморном море вышел из строя радиолокатор. Вызвали 4-го помощника, ответственного за электронное хозяйство.

— Чини! И чтоб до Дарданелл появилась картинка, — приказал капитан-старпом Щиплецов.

Четвертый не знал, с какой стороны подступиться к локатору, и Щиплецов стал искать неисправности методом тыка, для начала прощупал лампы. Одна вызвала сомнение, была холодной. Заменяли, и на экране вспыхнул зеленый луч. Он до сих пор помнит маркировку триода: 6Н1П.

ПАРОХОДСКИЕ РЕПРЕССИИ

Если разобраться, мало кого из капитанов обошли административные репрессии.

Поводов для административных взысканий было тоже предостаточно: аварии, перелив топлива, копеечная контрабанда, хозяйственные инициативы, скажем, рискованное премирование валютной матросов за переноску багажа или за доставку пассажиров с рейда на берег мотоботом. Но дело в том, что после травли, как это было у Вадима Никитина или у Александра Назаренко, или у Михаила Григора, отлученного от "Ивана Франко", опальные кормчие, как правило, пропадали с ореолом мучеников в дымке окраинных водных пространств государства. Штрафной ряд можно развешивать. Щиплецов же после незаслуженных стреноживаний или странных назначений не просто восстанавливался, а ему доверяли штурвалы самых впечатляющих судов. Так контейнеровоз принципиально нового поколения "Сальвадор Аленде" на закате восьмидесятых воспринимался прорывом в новых технологиях.

— Капитан "Сальвадора Аленде" заболел, — сказали в кадрах, — пойдешь вместо него.

— Я же никогда не работал на контейнеровозах, — простодушно встревожился Щиплецов.

— Ничего, научишься, — отрубили. Щиплецов зарекомендовал себя надежным и ответственным командиром, потому и доверили. А капитан отнюдь не заболел. Он приобрел машину с загрансвалки, в декларации записал копеечную цену, потому и оставили для разборок. С перспективой репрессий.

На печально известном "С. Аленде" Щиплецов обслуживал скоростную линию Неаполь — Генуя — Ливорно — Нью-Йорк — Филадельфия — Балтимор — Сус. В Сус по вине капитана лихтеровоз никогда не опаздывал. Пароход, по размерениям и конструкции приближенный к среднему плавдоку, Щиплецов заводил с филигранной точностью. И смело. На зависть капитанам, которые паниче-

ски боялись, что "причал навалится на них". А ведь о такой линии мечтали многие! Уже в новейшей истории "С. Аленде" утонул в Атлантике, чудом спаслось только двое, потому что были в гидрокостюмах. Задержись Щиплецов на "С. Аленде", не пришлось бы писать эти строки, думаю, ушел бы от штормовой погоды и сохранил людей и судно.

Однажды "С. Аленде" отклонился от наезженной американской линии и повез трактора "Кировец" на Карачи. Трактора выгрузили, пришли назад на рейд Суэца, где формируется южный караван для прохождения канала. На борт пожаловала морская полиция и представителем капитании порта.

— Вы утопили египетский катер с пассажирами, — сказал старший офицер, гневно сверкая глазами. — Где вахтенный журнал? Забираем капитана на берег.

Покидать борт наотрез отказался, иначе бы до сих пор кормил блох в яме.

Срочно запросили пароходство. Из пароходства ответили, что власти обвиняют его, Щиплецова, в потоплении египетского катера с беженцами, направлявшимися на заработки в благополучный Кувейт. РДО передали по УКВ открытым текстом, чего ни в коем случае нельзя было делать, потому что запеленгованное разъяснение косвенно подтверждает обвинение.

С помощью штурманской линейки Щиплецов доказал, что в момент столкновения катера "С. Аленде" находился в 100 милях. Обвинение было снято, и судно отпустили.

После инцидента кормчие ЧМП пустили "Сальвадор Аленде" на Кубу. Зарплату стали выдавать "бонами", и команда разбежалась.

Прошло несколько месяцев, и египетские власти, признав капитана виновным в инциденте, потребовали предстать перед судом в Каире. Щиплецову назначили восьмизначный штраф в египетских фунтах, и потому он вернулся на знакомую до боли в пояснице Крымско-калымскую линию, — ведь не зря, наверное, ее так окрестили моряки, среди которых было немало бедолаг, ущемленных в правах.

Крымская — это одуряющая монотонность, сегодня Сухуми, завтра Сочи. "Внимание, теплоход "Колхида" отправляется на двухчасовую прогулку". В программу прогулки входит посещение мостика, где капитану будут задавать вопросы один глупее другого. А он обязан на них отвечать. Дамы при двух баллах бледнеют.

Минет пять лет, и штраф почему-то скостят до 10 тысяч долларов. В унисон с нерушимыми египетскими традициями. Только через 8 лет начальник пассажирской службы ЧМП Владислав Сергеевич Петухов пришел нарочного и тот окрылит:

— С тебя все обвинения сняли.

Но беда в том, что ложные обвинения иницируют не только из-за моря-океана, где тамошние строгие органы демонстрируют видимость розыскной работы, но и в Отечестве. В державе обвинения снимают чаще посмертно. Анонимкой ужалили Щиплецова, когда он работал на грузопассажире "Кооперация". Пароход этот 29-го года постройки когда-то даже перевозил самолет Чкалова из Америки. В шестидесятые реликт не уберегли, заморозили главный двигатель на судоремонтном заводе. Подобрали подходящий по размеру и параметрам двигатель с танкера-серийника. В наличии оказался только один движок, причем с левым вращением винта, что нехарактерно для одновинтовых судов. Ходил ветеран-левша на одном винте, то есть когда при маневрах нужно было ставить машинный телеграф в положение "Малый назад", Щиплецов фиксировал ручку на "Малый вперед" и никогда не путал.

— Грамотное соотношение длины корпуса и руля позволяли легко управлять, — вспоминает Щиплецов. Владимир Васильевич никогда не сетовал, а даже усматривал в любой ненормальной ситуации козыри.

Кто же чернил на "Кооперации"? Старпом Икс попросил Щиплецова дать ему представление на капитана. Владимир Васильевич в прось-

бе вежливо отказал, потому что Икс находился на судне менее полугода, а по положению, рекомендация выдается только после этого ценза.

— Если бы он откровенно объяснил, что "под него" готовят недавно приобретенное судно, то я бы не отказал, — признается Владимир Васильевич.

Купленное по случаю британское судно, куда прочили мистера Икс, готовилось для работы на австралийской линии. В этих отшибных краях на борт садится много эмигрантов с украинскими корнями, и потому заранее подбирали молодого фактурного капитана, цветную фотографию которого охотно купят пожилые соотечественники. Фамилия претендента тоже была с украинскими корнями, он отвечал всем требованиям, и к тому же прошел годичную подготовку в КГБ. В это грозное учреждение по знакомому адресу претендент и настроил анонимку, где обвинял капитана Щиплецова во всех смертных грехах, пьянках-гулянках с судовыми золушками и других аморальных проступках. Потом Щиплецову эту "телегу" показывали. Икса же к тому времени уже не было на белом свете, он ушел из жизни в пятьдесят лет, здоровье подорвали именно пьянки-гулянки.

Тем не менее, на кляузы чутко реагировали, Щиплецова с парохода-инвалида списали, и он довольно долго бороздил черноморские акватории на "Молдавии".

Но за ограничением в морских правах всегда маячил новый карьерный взлет. После очередного каботаж Щиплецов капитанил на балкере "Совфрахт". При водоизмещении в 60 тысяч тонн и длине 212 метров "Совфрахт" был самым большим судном пароходства.

При еще одном взлете Владимир Васильевичу доверили "Россию", где экипаж 700 душ, ту самую "Россию", где долгие годы капитанил упомянутый выше Сорока. В такой универсальности и живучести бесспорно феномен Щиплецова.

Да разве только эти назначения? Он плавал вторым помощником на правительственной "Башкирии". Хотя и серийный был пароход, но строился с индивидуальными причудами, например, предусмотрели обособленный танк питьевой воды для Хрущева. Щиплецов в рейсе по Скандинавии крутил кино для единственного зрителя Никиты Сергеевича (Владимир Васильевич еще и кинемеханик). А для такого спецпарохода экипаж отбирали будь здоров, конкурс был не меньше, чем в мореходку. Играла роль не только стерильность анкеты, которую проверяли и перепроверяли. Учитывались и профессиональные возможности, и опыт работы пассажирским помощником, коммуникабельность, наконец. С людьми, а точнее, с потоком людей не каждый совладает. Кстати, "Башкирия" — единственный пароход, который он принимал с колыбели, то есть на верфях. Другие счастливицы, приближенные к верхнему эшелону морской власти, зачастую из династий, летали "по звонку" на приемки в Японию, Югославию и получали суточные за неделю, как за два месяца рейса, а он принимал пароход, чтоб на нем плавать.

Одного такого отлучения достаточно, чтоб сломить, многие в его ситуации принимались заглядывать в рюмку и навсегда исчезали с морских горизонтов, как волной смывало. А Щиплецов же при очередном отлучении от мирового океана не ожесточался, не замыкался в обиде, а брался за работу с еще большей разумной яростью. Происходила своеобразная реинкарнация — переселение его морской души в другую "плавоболочку". При таком одушевлении абсолютно неважно, возвращается ли перемещаемый на ступень выше или на ступень ниже. Важно шкоты потравить настолько, чтобы ветром паруса вынесло вперед и только вперед. Как указано в методичке плаваний на кэче "Лейтенант Шмидт".

Надумал Щиплецов на "Колхиде" улучшить каюты первого класса. Он узнал, что в МТО, базе материально-технического обеспечения, есть недавно полученные из Греции отдаленные материалы, анодированные и хромированные шурупы,

и при виде этого дефицита у Владимира Васильевича загорелись глаза — в те скучные годы база воспринималась Клондайком. У него сложились благоприятные деловые отношения с начальницей МТО Алексеевой, и Владимир Васильевич затеял масштабную реконструкцию кают первого класса.

На ремонте во втором судоремонтном заводе капитан Щиплецов самолично отдира унылый рифленный линкруст, которым после войны отделяли купе поездов.

— Ты что творишь? — осадил его директор завода. — Ты же не сможешь вовремя выйти из завода!

— Если хочешь уложиться, то снимай пиджак и становись рядом, — обрубил Щиплецов.

Обновились в срок. На завод даже пожаловал с женой начальник ЧМП Анатолий Витальевич Голдобенко. Посидел в переоборудованной каюте, попрыгал на новой пружинистой кровати. Понравилось.

— Заходи, — сказал. — Если будут проблемы.

Проблемы копились, но Щиплецов по мелочам не озадачивал начальство. Как-то в пароходстве Голдобенко встретил Щиплецова и сам пригласил в кабинет. Щиплецов выложил судовые новости. Голдобенко чиркал пометки в красивой записной книжке с логотипом пароходства.

— Какие еще просьбы есть? — спросил.

— Неудобно говорить, — мялся Щиплецов. — У меня не решен квартирный вопрос. Очередь отодвигают.

Голдобенко нахмурился и ничего не сказал. Щиплецов думал, что расстроил начальника, но через три месяца ему вручили ордер на двухкомнатную квартиру.

Если вернуться к искусственной зыбкой базе, то можно с наигранным воодушевлением рассуждать о преемственности традиций и навыков, пресловутой эстафете морских поколений, которую вроде бы передал опальный и опаленный войной дальневосточный капитан N тоже достаточно известному в морских кругах преемнику. Но, во-первых, в эту надуманную эстафету сам Щиплецов не шибко верит. Ведь раньше не принято было, и в силу нашего менталитета в том числе, прислушиваться к советам старших, как, скажем, на Ближнем Востоке, который он знает не понаслышке. А вторых, какая же эта эстафета без подкрепления материальной базой, когда не на чем больше плавать? В 21 веке вплоть до 2002-го года Щиплецов доплачивал на челночных развозках, наскоро приведенных в сомнительное рабочее состояние ("Поиск", "Шаталово", "Бриз" ("Волна"), "Юность" ("Абрау-Дюрсо")). Кстати, по слухам, "Юность" продали для третьей жизни в Болгарию чуть ли не за 20 тысяч долларов. А импонировала капитану N невероятная стойкость и живучесть молодого сотоварища по цеху и, конечно же, востребованность уже в новейшей истории.

Возраст у капитана N убедительно почтенный, в октябре 90. Перед юбилеем, надо полагать, Щиплецову удастся поговорить с ним по телефону. На визуальную встречу он, мне кажется, не рассчитывает. Что дарят в таких случаях старому нелюдному моряку? Хорошим подарком был бы для него кусок красного дерева, которым настилали палубы старых пароходов. Дреvesина эта не гниет и источает тонкий аромат растительных масел, копры и сизаля. Таким деревом была настелена палуба "Ямполя", шведского балкера на 16 тысяч тонн, шесть таких бэушных судов приобрел для ЧМП главный инженер пароходства Николай Яковлевич Ермошкин, именем которого назван крупный балкер. Да, было время, когда мы несли в дом, а не из него. На "Ямполе", где Владимиру Васильевичу посчастливилось капитанить, совершенно не было тараканов. Понюхал бы юбиляр спил палубного бруса, и вспомнилась бы ему Сурабая. Есть такой порт на Суматре, автор бывал там. Но нет у Щиплецова щепок с настила палубы "Ямполя". Даже с горемычного "Бриза", последней его несостоявшейся морской судьбы, нет ничего. Он привык на судно приносить.

Моментальная фотография души

Амедео Модильяни

Тосканский порт Ливорно, еще не разрушенный бомбардировками союзников. Флорентийские традиции Медичи, еще не растворившиеся в *arte moderne*.

Космополитические свободы порто-франко, еще не растоптанные национализмом.

Последний ребенок в большой еврейской семье, болезненный, капризный и слабый, — неожиданное сочетание звезд, необычное расположение планет, непредсказуемая рекомбинация родительских генов.

Прогулки по набережной с дедом, поездки во Флоренцию с матерью, занятия живописью в Венеции, беседы об искусстве на площади Святого Марка.

Он твердо уверен, что знает свое направление — стать художником.

Ему еще нет двадцати.

Перед ним открывается пейзаж — невысокие заросшие дикой акацией холмы, выходящая среди холмов дорога, желтые залитые солнцем поля и человек с мольбертом, который парит над полями; к нему ведет узкая тропинка, то и дело исчезающая среди холмов, и отсюда не разглядеть, проходима ли она. Невдалеке оттуда другой человек, очень похожий на первого, работает в окружении каменных глыб под палящим южным солнцем; он обтесывает камни, перетаскивает их с места на место, прорезает детали, однако туда, где он работает, не ведет ни одна дорога. Еще дальше небо затянуто дымом — это горят леса, над которыми мелькает пламя; кажется, что за ними уже ничего нет, но в действительности над темными облаками поднимаются горы с вершинами, покрытыми снегом, на котором что-то чернеет, но на таком расстоянии деталей не разглядеть, и отсюда, с зеленых склонов Тосканы, ему не увидеть обледеневшие аллеи старого парка, заливаемые ледяным январским дождем, деревянную скамейку в боковой аллее и кладбище на холме сразу за ними. Проходит немного времени, и он уже идет уверенным шагом по белой от солнца дороге, которая медленно поднимается вверх среди холмов, а потом поворачивает, и он видит перед собой город.

Дорога идет через Париж и вначале приводит его на тихую монпар-

наскую улочку длиной всего в один квартал — здесь он учится живописи и скульптуре, — а потом неожиданно разворачивается, пересекает Сену и убегает на Монмартр.

Следуя направлению, он переезжает на Холм, но здесь линия ускользает; он живет где придется — то в заброшенном домике на склонах рю Коленкур, то в общежитии художников на площади Равиньян,

рейшиков и друзей. Он таскает камень с монмартрских пустырей и резцом превращает его в странные продолговатые фигуры. Он ищет линию, которая все время от него ускользает; чувствуя, что не успевает, он просит помощи у французских актрис, английских писательниц и русских поэтесс, и линия постепенно возникает у него внутри тонким непрерывным звоном,

которые в действительности есть их стремящиеся в небо души.

Он оказался первым, кто сумел написать душу человека, а не божества.

Портретист, он не оставил нам ни пейзажей, ни натюрмортов.

Более известный как художник, он навсегда вошел в историю естественного изображения души. Которая для получения качественного изображения требовала, в зависимости от состояния фотографа, экспозиции от нескольких часов до нескольких дней, широкого выбора водных растворов спирта разных цветов и концентраций, в просторечии называемых винами, коньяками или абсентами, и сложных смесей хромофоров, обычно именуемых красками.

Его техника не только давала цветные изображения души, но и раз-

вешивала в космической пустоте остальные сущности, связанные с изображаемым тончайшими нитями, не видимыми никому, кроме фотографа.

Через неполных сто лет после Дагерра человечество стало свидетелем еще одного великого изобретения в области фотографии, почему-то отнесенного современниками к области живописи.

Легкими уплывающими вверх дымками наши души соединяют нас с остающимся миром. Перекидывают шаткие мостки между нами и вселенной, неопровержимо доказывая, что мы — всего лишь ее часть. Не больше, но и не меньше.

Замкнув круг, его душа соединила его с нами на тихой монпарнаской улочке длиной всего в один квартал.

Анатолий КОНТУШ,
Париж, май 2008.

Склоны у рю Коленкур, где когда-то стояли предназначенные к сносу сельские домики, в одном из которых жил Модильяни

Монмартрский ресторанчик "Проворный кролик", где часто бывал Модильяни, — любимое место встреч артистической богемы тех лет

его можно каждый вечер встретить в "Проворном кролике" с бутылкой вина, он бросает учебу и привязывается к гашишу, но все это не имеет значения, потому что он пишет.

Любимец женщин, он пишет натурщиц, подруг и любовниц; звезда богемы, он пишет меценатов, гале-

оставляя им взамен изломанные линии души. Он опускается, болеет, бедствует, становится просто Модильяни, а скорее *maudit*, что по-французски "проклятый", но в конце концов находит то, что искал.

На его холстах появляются длинные, тонкие, непропорционально удлинённые фигуры, каких не писал никто.

Вытянутые вверх лица, плотно сжатые рты, запрокинутые глаза без зрачков.

Отрешенность, отвлеченность, отсоединенность от всего земного, светлого, грешного.

Нездешность, неспешность, небрежность.

Он находит свою линию и оказывается первым, кто сумел написать душу.

Которая улетает, а не тонет. Поднимается вверх, а не опускается вниз. Растворяется в небе, а не исчезает под землей.

Передвигается тонкими движениями в темноте инстинктов.

Рвется куда-то, пока не изорвется в клочки.

До него что-то похожее удавалось лишь православным иконописцам и примитивным скульпторам — всмотритесь в тонкие лики святых на древних иконах и в странные фигурки деревянных богов, ко-

Площадь Равиньян (сегодня площадь Эмиля Гудо), с которой можно было войти в общежитие художников "Бато-Лавуар" — "Плавучая прачечная", где жили Модильяни, Пикассо и другие выдающиеся мастера. Здание общежития погибло в 70-е годы XX века при пожаре

Дом по адресу рю де ля Гранд-Шомьер, 8, в котором была последняя квартира Модильяни

Академия Коларосси на рю де ля Гранд-Шомьер в центре Монпарнаса, где Модильяни учился живописи по приезду в Париж

Фотографии Анатолия Контуша

ДВА БАБЕЛЯ

В 70-80-е годы минувшего столетия Одесский завод фрезерных станков имени Кирова, где я работал главным конструктором, сотрудничал с западногерманской фирмой "МАХО". Главный завод фирмы находился в г. Пфронтен, Бавария. Наши предприятия выпускали аналогичные станки. Сотрудничество позволяло в известной мере приблизить уровень наших станков к высокому уровню их продукции.

В описываемое время владельцем и президентом фирмы "МАХО" был Вернер Бабель. Человек интересной судьбы, он после общеразвовательной школы прошел двухгодичный курс обучения в профессиональной школе при главном предприятии фирмы. Отец его в то время был владельцем и президентом фирмы. В школе учащиеся основное время проводили, работая на различных станках и в сборочных цехах предприятия. Вернер после обучения овладел профессиями токаря, фрезеровщика, шлифовщика, а также слесаря-сборщика. Он стал мастером, затем начальником цеха, сначала мехобработки, затем — сборочного. Окончив технический вуз и получив диплом инженера, он работал конструктором и начальником КБ фирмы. Объездил весь мир, знаком с ведущими станкостроительными фирмами.

Станки фирмы "МАХО" завоевали мировое признание и демонстрировались на всех значительных выставках. Ко времени нашего знакомства Вернер Бабель возглавлял фирму. С ним и его ведущими специалистами мы встречались в Москве, в "Станкоимпорте", и в Одессе. После деловых бесед проводили время в неформальной обстановке. Однажды мы пригласили их делегацию на яхту, принадлежавшую нашему заводу и управляемую заводской командой во главе с капитаном Григорием Рыбкисом. Гриша давал каждому из нас порулить. После неслабого застолья наступил черед одесских и международных анекдотов. Атмосфера становилась все более раскованной и непринужденной. И я набрался смелости: "Господин Бабель, знаете ли вы, что был такой знаменитый писатель-одессит Исаак Бабель, ваш однофамилец?". Ответ поразил нас всех. "Я читал многие вещи вашего земля-

ка и моего однофамильца. Более того, в нашем драмтеатре идет его пьеса "Закат". А вот в вашей стране — я не знаю, ставят ли пьесы Исаака Бабеля".

Через десяток с лишним лет, когда наш рулевой — КПСС — дала немного порулить народу, появились произведения по мотивам новелл Исаака Бабеля. В 1989-м в СССР поставлен фильм-мюзикл "Биндюжник и король" по мотивам Бабелевских "Заката" и "Одесских рассказов". Режиссер — А. Алейников, композитор — А. Журбин. Фильм-мюзикл создан созвездием популярнейших актеров: Армен Джигарханян, Зиновий Гердт, Раиса Недашковская, Ирина Розанова, Максим Леонидов, Андрей Ургант, Татьяна Васильева, Роман Карцев, Евгений Евстигнеев, Николай Добрынин, Георгий Пичулаури. Знатоки российского музыкального театра считают "Биндюжника и короля" лучшим отечественным мюзиклом в истории жанра. С этим, не боясь быть нескромным, согласен сам Александр Журбин: "...пьеса оказалась удивительно подходящей для мюзикла. Те страсти, которые в ней кипят, и любовь, и ревность, деньги, наследство, борьба за старика Менделя Крика, яркие и сочные персонажи, которые просто просятся на музыку. И мне кажется, что получилась музыка, адекватная этим персонажам. Она сочетается в себе простенькие одесские мотивчики, а с другой стороны — абсолютно симфонические, мощные, сильные куски". Сам мюзикл был поставлен в одесском и других театрах страны.

Рижский русский театр им. Чехова поставил мюзикл "Рыжий король" по мотивам "Одесских рассказов" Бабеля. Композитор — Раймонд Паулс. Режиссер — Владимир Золотарь (Россия). Фроим Грач — Яков Рафальсон, Гадали — Игорь Чернявский, Бася — Оксана Терских, Беня Крик по прозвищу Король — Евгений Терских, Любка Шнейвейс по прозвищу Казак — Галина Российская, Иван Пятирубель — Евгений Корнев, Каплун — Борис Пłosких, Мадам Каплун — Татьяна Лукашенкова, Соломончик Каплун — Анатолий Фечин, Савка Буцис — Вадим Гроссман.

Премьера спектакля "Закат" по пьесе Исаака Бабеля в Московском Еврейском театре "Зай Ге-

зунт" прошла 15 апреля в помещении ульпана "Иерусалим в Москве" в Вадковском переулке, дом 3.

Народный театр "Внутреннее зрение" в Москве 29 апреля 2007 года поставил спектакль по пьесе И. Бабеля "Закат", режиссер-постановщик — заслуженный работник культуры Э.И. Варшавская.

5 октября 2007 отметил свое 75-летие Приморский краевой академический театр драмы имени Горького премьерой — восстановленным спектаклем "Биндюжник и Король". Восстановление спектакля, который когда-то прогремел, да как прогремел, — всегда опасно. В первую очередь, желанием второй раз войти в одну и ту же воду. Тогда, в 1989-м, "Биндюжник и Король" — это было нечто! Такого размаха, таких красок, музыки, танцев Владивосток попросту еще не видел. Великолепный фактурный Александр Пономаренко — Мендель Крик, молодой стильный красавчик Александр Славский — Беня Крик... не смешной, скорее даже наоборот. Впервые музыкальный спектакль "Биндюжник и Король" был поставлен на сцене театра в 1989 году. Продержался в репертуаре 13 лет, став своего рода визитной карточкой театра. Спектакль был награжден в 1992 году на I Международном фестивале театрального искусства стран Тихоокеанского региона, в 1994-м на фестивале, посвященном 100-летию театра в Хабаровске, получил первую премию. На минуточку.

Какие пьесы Бабеля ставились при его жизни? Супруга писателя Анна Пирожкова сообщила:

— Ставился только "Закат" — в Одессе, Баку и в Москве в МХТ-2. Что же касается издания произведений знаменитого земляка, то в Нью-Йорке одноклассник Бабеля вышел в 1955 году — на 2 года раньше, чем первое издание его "Избранного" в Москве. Сборник назывался "The Collected Stories". На английский язык его блестяще перевел Уолтер Моррисон...

Наши одесские сердца полны любовью к великому земляку. Приветствуем и всячески поддерживаем инициативу Всемирного клуба одесситов по созданию в Одессе памятника Исааку Бабелю.

Михаил ТАЛЫАНКЕР,
Одесское землячество
Лос-Анджелеса.

Исаак Бабель. Фотографии Татьяны Тэсс

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Ворованный воздух

По прошествии многих лет многие думают, что самиздат начал распространяться после первых судебных процессов над А. Синявским и Ю. Даниелем, А. Гинзбургом и Ю. Галансковым, после вторжения в Чехословакию в виде протестных писем "подписантов", в виде "Хроники текущих событий" и других политических документов.

Мне же хочется вспомнить те первые в моей жизни образцы самиздата, которые связаны были с высокой литературой, на которую был наложен запрет советской цензуры. Это о такой литературе писал Осип Мандельштам в своей "Четвертой прозе": "Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух".

Перед моим отъездом в Ленинград, в университет, Женя Голубовский (мы только недавно познакомились) подарил мне самодельную (с переплетом!) книгу стихов Бориса Пастернака.

После знаменитого большого тома произведений поэта, изданного в 1936 году, его стихи публика-

лись немногочисленными маленькими томичками и подборками в "толстых" журналах. Так, в журнале "Знамя" были опубликованы любовные стихи из "Доктора Живаго", но без евангельских стихотворений.

Знакомый литературовед в Москве подарил Голубовскому странички со стихами из романа, в том числе и со стихами "евангельского цикла" вскоре после печально известного шашаба вокруг имени поэта. Ни я, ни даже Голубовский в то время еще не читали сам роман, но стихи из него мы уже знали наизусть.

Так что в свое первое творение на "издательской" ниве Евгений Михайлович включил любовно им собранные по разным изданиям стихи любимого поэта, стихи военных и послевоенных лет, а главное, полный свод стихов из "Доктора Живаго". Томик в плотном переплете получился солидным. Первая изданная книга. Первый самиздат.

Потом в нашу жизнь вошли машинописные странички с "Четвертой прозой" и стихами Осипа Мандельштама, стихи Иосифа Бродского "Еврейское кладбище около Ленинграда...", "Пилигримы", "Каждый

пред Богом наг...", антисталинские стихи Бориса Слуцкого, лагерные рассказы Варлама Шаламова... Алик Гинзбург подарил нам в Москве свой самиздатовский журнал "Синтаксис", где были стихи Н. Глазкова, И. Холина, Г. Сапгира, Владимира Уфлянда и других замечательных поэтов.

Подходили к концу мои университетские годы, я уже писала диплом о графике 20-х годов, и по письму от нашей кафедры была допущена в журнальное хранилище спецхрана Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Конечно, это был "первый круг" спецхрана, были и другие, куда допускались, наверное, только по разрешению ЦК и КГБ.

Не воспользоваться такой редкой возможностью — просматривать потаенные журналы — было бы непростительной глупостью. И Голубовскому пришла в голову счастливая мысль: он посоветовал мне поискать в журналах рассказы И. Бабеля, которые не вошли в первый посмертно изданный в 1957 году сборник писателя. Нужно ли говорить, с каким рвением я броси-

лась выполнять просьбу Голубовского, к тому времени уже ставшего моим мужем?

Я сидела до закрытия библиотеки, работая над дипломом и переписывая до точки и запятой найденные в старых журналах неизвестные нам рассказы Бабеля из так называемого "Петербургского дневника" — "Публичная библиотека", "Линия и цвет", "Вечер у императрицы", "Ходя", опубликованные в "Журнале журналов", в "Красной нови"... Тогда все считали, следуя за автобиографией Бабеля, что первая его публикация состоялась в журнале "Летопись", издаваемом А.М. Горьким. Оказалось, что это не совсем так. Просто в те годы начинать свою литературную биографию с признания Максимом Горьким дорогого стоило. Как ни удивительно, в однокласснике 1957 года и рассказы из "Летописи" не были опубликованы. Как и царской цензуре, которая обвинила Бабеля в "порнографии", так и советской цензуре эти рассказы оказались не по нраву. И они легли в заветную папку неизданного Бабеля.

А у Голубовского уже было не-

сколько рассказов "позднего" Бабеля, полученных им от вдовы писателя А.Н. Пирожковой, среди них — "Колывушка", "Фроим Грач", "Мой первый гонимый", "Гапа Гужва"...

Потом все эти странички были перепечатаны на машинке (самиздат на папиросной бумаге машинка делала в десяти копиях, на обычной бумаге — в пяти), формат был обычный книжный. В доме Добролюбских был знакомый надежный переплетчик, которому и доверили эти драгоценные странички.

Так в 1965 году после изданного в Москве и через пару лет полностью переизданного кемеровским издательством первого посмертного сборника И. Бабеля вышел в Одессе самиздатовский Бабель. В зеленом ледериновом переплете (мы потом так и говорили — "зеленый Бабель"). Тиражом в пять экземпляров. Один остался у нас, один был подарен А.Н. Пирожковой, еще один Алику Гинзбургу, и начал гулять по Москве. Конечно, один пошел в библиотеку Добролюбских. Недавно гостивший у нас наш ближайший друг Юлик Златкис сказал, что он с собой в Москву увез много лет тому назад среди любимых книг из Одессы этот "зеленый" самиздатовский сборник Бабеля, который до сих пор бережно хранит.

Вот такой "ворованный воздух"! Таким было начало издательской деятельности Евгения Голубовского, которая теперь продолжается под эгидой Всемирного клуба одесситов.

Владимир КУРЛЯНД ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ

Над моим столом висит портрет — увеличенная фотография офицера, подполковника милиции. Красивые, с прищуром, глаза смотрят чуть насмешливо, как будто улыбаясь, но все же угадывается во взгляде какая-то всепонимающая грусть, как отголосок той самой национальной печали, унаследованной детьми Земли обетованной от своих библейских предков.

Под фотографией надпись: Курлянд Давид Михайлович, 1963 год. Это мой дедушка Давид, а фото сделано в год его пятидесятилетнего юбилея. Недавно и я перешагнул этот рубеж. Как неумолимо несет время, и только воспоминания медленно струятся, как песок, и порою кажется, что каждое мгновение можно снова почувствовать, поддержать в руках, разглядеть — и отпустить с легким вздохом сожаления, принимая следующее — такое же яркое, наполненное благодарностью и любовью.

Я снова испытываю счастье быть гостем у моих дорогих и близких людей, которых, к сожалению уже нет со мной, но они навсегда оставили светлый и незабываемый след в моей жизни.

Это как свет старого маяка, который во все времена служит путеводной звездой для кораблей, идущих в порт.

Какие они — мои первые детские воспоминания о дедушке?

Можно уткнуться ему в колени, можно поплакать в жилетку, рассказать о своих детских страхах, а он нежно погладит по голове, и снова придет ощущение покоя, и им наполнится душа, ведь дедушка большой и сильный, он меня любит и защитит.

И не было большего счастья, чем гулять, крепко держась за дедушкину руку, по Соборке, кататься на качелях, ловить руками разлетающиеся брызги бьющего фонтана, а еще вкус мороженого в нарядных летних кафешках, походы в первый гастроном на Дерибасовской, когда купленная для меня докторская колбаса уминалась мной не доходя до дому, это была наша маленькая тайна, о которой не должна была знать бабушка, ждавшая нас к обеду.

Когда мне было шесть лет, отца перевели на новое место службы — в Азербайджан, и мы с родителями оказались на "точке", в песках, так далеко от Одессы. Со временем привыкли и к новому месту, и к чужой речи, но мне снилось море. Я скучал по знакомым с детства лицам, а главное, по родным и любимым лицам, — поэтому сезонные миграции "Баку — Одесса" происходили ежегодно в летние каникулы.

А когда в 1978 году я окончил Энергетическое высшее зенитное ракетное командное училище войск ПВО страны с золотой медалью, то ни на мгновение не усомнился в правильности выбора места моей будущей службы.

Я возвращался домой, и меня там ждали.

Конечно, сначала служба мне не показалась медом — это была уже

взрослая жизнь. Обычная смесь хорошего и плохого. И опять, как в детстве, я шел со своими проблемами к деду, а он терпеливо меня поучал: "Не бойся сделать первый шаг в неизведанное. Недаром мудрецы говорят — путь в тысячу верст начинается с первого шага. Стоит только начать новое дело, и ты убедишься, что у тебя неплохо получается. И еще относись философски к происходящему. Не нужно скорбно собирать брови домиком и мрачно цедить сквозь зубы, что "жизнь дала крен", чем меньше ты будешь

обращать внимания на мелкие неприятности, цепляющиеся к тебе, тем скорее они от тебя отстанут".

И я верил, что так и будет, ведь жизненный опыт и мудрость зрелого возраста позволяли моему деду заглядывать в будущее.

Это не означает, что он был железным человеком, которому не бывает плохо, трудно, грустно; однако он подходил к проблемам рационально — не ставя вопрос "кто виноват?" в них, а знал "что делать?", чтобы их разрешить.

В жизни ему приходилось испытывать сомнения в людях, их честности и добрых намерениях, в их чувствах к себе. Но природный оптимизм не давал впасть в отчаяние, помогал держать себя в руках и не позволял обстоятельствам одерживать верх. У него была своя дорога, которую он протоптал, не слушая сплетен, не замечая "грязи", которую выливают недоброжелатели, руководствуясь во всем законом двух "П" — порядочность и профессионализм. Он всегда был открыт для новых идей, но никогда не спешил сразу принимать любую, готов был учесть чужое мнение, но в каждом случае сам решал, что пойдет на пользу делу. Всегда помнил, что для принятия окончательного решения нужны ясный ум и холодная голова. Эмоции в данном вопросе — плохой советчик. И скорее всего, излишне чувствительные, беспомощные и мечущиеся натуры вызвали у него некоторое раздражение. Он был уверен, что для достижения намеченной цели нужны организованность и дисциплина, мо-

билизация скрытого потенциала. И еще три мощных подпорки: терпение, жертвенность и человечность. И что начатое дело не бросают на полдороге, его надо довести до логического завершения. Тем и жил.

А еще дедушка все умел — о таких говорят: у него обе руки правые.

В жизни ему приходилось заниматься самыми разными рабочими и житейскими проблемами, он смело брался за любое дело — обувь подбить, провести электропроводку, починить радиоприемник, — и все у него выходило легко и быстро, как будто вещи сами подсказывали ему, что и как нужно делать. Он умел создать дома уют не только для себя, но и для своих близких, в круговороте ежедневных событий найти время для семейных забот, не забывать о проблемах детей и внуков. В доме все было сделано дедушкиными руками. В коридоре, на антресолях, у него была своя мастерская, где царил идеальный порядок, а каждый инструмент знал свое место.

В квартиру, которая находилась в доме Попудова на площади Советской Армии, 1, дедушкина семья — бабушка и двое детей (мой отец и тетя) — вселилась в 1944 году, вернувшись из оккупации. Квартира была коммунальной, там проживали еще четыре семьи. Я не могу припомнить, чтобы дедушка когда-нибудь выносил свои чувства к ба-

бушке на всеобщее обозрение. Но то, что он сам из кладовки сделал для нее отдельную кухню, даже сумел отделить кусочек для вполне приличной ванной с туалетом, — говорит о том, с какой любовью и нежностью он относился к ней.

Поженились они еще совсем молодыми, оба были из бедных многодетных семей. Жизнь казалась им простой и бесхитростной. Самый обычный еврейский паренек Давид клал людям печи, ремонтировал дымоходы и крыши, а симпатичная девушка Надя с Заставы работала на суконной фабрике и даже помыслить не могла, что у судьбы на их счет свои, неожиданные планы. Что ее муж будет работать в УГРО,

уходить за задания, а ей предстоят бесконечные ночи ожидания, полные тревог и волнений за его жизнь. Сколько раз бандитская пуля подстерегала его из-за угла, сколько раз ему доводилось перехватывать занесенный для подлого удара нож? — о многом она не знала, но, конечно, догадывалась, сердце не обманешь.

Каким удивительным, любящим жизнь во всех ее проявлениях, трудолюбивым и темпераментным было то поколение! Они не мыслили себя без работы, не умели сидеть сложа руки. Когда дедушка ушел в отставку после 30 лет службы в органах милиции, он не смог устроить себя — работал. Консультировал работников уголовного розыска, читал лекции курсантам школы милиции, а позже, когда начал организовываться Народный музей истории милиции Одесской области, целыми днями просиживал в архивах, собирая по крупицам материал о героическом пути своих соратников, товарищей по оружию, считая это долгом живых перед погибшими. В том, что музей существует и поныне, немалая его заслуга. Кстати, в этом музее до сих пор хранится его дневник, с записями из которого в свое время знакомился автор сценария фильма "Ликвидация" А. Поляков. Там же хранятся его боевые награды и табельное оружие.

Зимой прошлого года весь город, да и, пожалуй, вся страна, замирали у экранов телевизоров, когда впервые транслировался фильм режиссера С. Урсуляк "Ликвидация". Главную роль — заместителя начальника уголовного розыска подполковника Давида Гоцмана — сыграл известный киноактер Владимир Машков. Прямолинейный, бесстрашный, способный на сильные поступки, с примесью легкого сентиментализма, настоящий одессит, патриот своего города, он сразу завоевал любовь и симпатии всех зрителей. Но чем дальше развивались события в фильме, тем больше в моем сознании крепла уверенность, что я знаю этого человека, что он близко знаком мне, да и сюжет развивался в Одессе того времени.

Конечно, трудно проводить параллели между актером, играющим роль, и реальным человеком, являющимся прототипом образа, — не стоит этого делать, но они очень близки. А события фильма, происходящие с Давидом Гоцманом, перекликаются с событиями, которые происходили в жизни моего деда — Давида Курлянда, хотя нельзя сказать, что фильм биографичен.

Владимиру Машкову — большое человеческое спасибо за то, что он так тонко и умело передал его характер. Наверняка он и не подозревал об этом, но получилось удивительно точно. Прямо в цель!

Но мне бы хотелось все-таки больше рассказать о том, кем был дедушка для всей нашей семьи. Так случилось, что после войны он ос-

тался самым старшим мужчиной в семье, и это накладывало на него определенные обязательства. К нему шли за помощью, мудрым советом, его слово во многих случаях оказывалось решающим. Смешно сейчас вспоминать, но когда, еще встречаясь со своей будущей женой, я привел ее познакомиться с бабушкой, то нервничал, как школьник на экзамене. Он не мог этого не заметить и, уловив момент, вызвал меня на балкон для серьезного разговора: "Да, что с тобой такое? Она прекрасная девушка! Ты любишь ее, она любит тебя. Так женись на ней!". И вот уже тридцать лет как мы с ней идем по жизни вместе.

Дверь их хлебосольного дома всегда была гостеприимно открыта для всех. Бабушка прекрасно готовила, хотя под конец жизни почти не видела, дедушка делал базар, готовилась фаршированная рыба, мидии с рисом, знаменитая бабушкина вертута, фирменный томатный сок с мякотью для заправки напитков покрепче. За накрытым праздничным столом собиралась большая семья — дети, внуки, немногие оставшиеся в живых родственники. Это был ритуал, старики об этом много говорили, готовились, и конечно же, приглашенные откладывали все свои дела, меняли планы, потому что знали — все вместе они могли встретиться только у Давида и Нади. И действительно, без них вся семья больше никогда не собралась.

Они с бабушкой всегда были вместе, трогательно ухаживали друг за другом, если кто-то из них болел, старались обойтись своими силами, никогда не жалуясь, чтобы не обременять занятых делами и своими семьями детей.

Бабушка ушла из жизни 31 декабря 1992 года — в день своего восьмидесятилетия. Дедушка очень тяжело переживал эту утрату, ведь они никогда не разлучались — почти 60 лет говорили друг другу "доброе утро" и "спокойной ночи", делили радость и горе, были самыми близкими, растили детей, радовались внукам. Несчастье подкосило его, он буквально на глазах постарел. Через полгода, 28 июля 1993 года, дедушки не стало. Похоронены они рядом на Троицком кладбище. На могиле установлен памятник, который дедушка сам успел заказать для бабушки, оставив рядом с ее портретом место для своей фотографии и надписи о дне кончины. Вечная им память и светлый покой. Им удалось пронести по жизни и не растерять то, что удается немногим, — чистоту и открытость отношений, удержат волшебство нежности и бережного отношения друг к другу, уважения и взаимопонимания. Наверное, именно за это судьба открыла им секрет счастья.

Это они научили меня благодарному отношению к жизни: "Если Бог дал тебе новый день, то его нужно именно так прожить, чтобы вечером с уверенностью сказать: это был хороший день!". Много для этого не требуется — просто сказать кому-нибудь что-то приятное, помочь по мере возможности, улыбнуться вслед, подарить приятную мелочь.

И самое главное — в повседневной рутине не утратить себя, всегда оставаться самим собой, верным для друзей, хорошим ребенком для родителей, надежным плечом для любимой женщины.

Может, это и есть формула счастья.

Благотворительный марафон «Хочу быть здоровым!»

Сейчас на диспансерном учете в Одесской области состоят 310 детей в возрасте до 18 лет с разнообразной онкогематологической патологией. Каждый год заболевают около 60 детей. Одной из причин роста количества онкобольных была и остается некачественная и несвоевременная диагностика. К сожалению, материальные возможности большинства одесских семей не позволяют оплатить дорогостоящее лечение.

Так, при многих заболеваниях крови компьютерную или магнитную томографию нужно делать каждые 2-3 недели. Одно такое обследование стоит около 2000 гривен. Итого диагностика за шестимесячный курс лечения обойдется в 17-24 тысячи гривен, а само лечение — ле-

карственные препараты, шприцы, капельницы — еще в 10-50 тысяч гривен.

— Мы хотим привлечь внимание общественности к острой проблеме детской онкологии в Одесской области и собрать средства на приобретение диагностического оборудования для отделения гематологии детской областной клинической больницы по ул. Воробьева, — рассказывает о целях марафона организатор акции президент благотворительного фонда "Пчелка" Елена Павленко.

Стоимость компьютерного томографа — от 850 тысяч до 2,5 млн. грн. Пока что в ходе марафона не равнодушие к будущему детей одесситы собрали около 30 тысяч гривен.

Куда пересылать деньги?

Расчетный счет: 2600873301 в АКБ "Одесса-Банк", г. Одесса, МФО 328102, код ОКПО 35768243, благотворительная помощь.

Свои пожертвования можно бросить в специальные ящики, которые установлены в супермаркетах "Канцкораллы": ул. Ришельевская, 9а, и ул. Ришельевская, 40.

Телефон для справок: 8(048)703-85-80, 798-39-40. Спросить Павленко Елену.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Театр одной собаки

Дворняга как дворняга. Сколько пород в нем смешалось, никто не знает. Это — Жора, коренной житель нашего дома. Он здесь родился, когда дом еще только строился. По праву считал себя полноправным владельцем всей территории, поэтому не слишком дружелюбно встречал пришельцев. Наше появление здесь со спаниелем Юмкой тоже поначалу вызвало Жорину недовольство. Но Юмкино добродушие, покладистый и веселый нрав, нежелание откликаться на Жорины наскоки, да и мои продовольственные подношения охладили Жорин пыл.

Настороженные отношения постепенно переросли в привязанность и дружбу.

Утро. Мы с Юмом выходим на первую прогулку. Жора, услышав звуки ключей и открывающейся двери, уже под нашей дверью. Мы втроем выходим за ворота. Юм — благовоспитанный спаниель, красавец, достойный кисти своего великого соотечественника Веласкеса — не случайно на первой же выставке Юмка получил золотую медаль за красоту. Жора — дитя свободы и вольности, во внешности — никакого "гламура" — короткая черно-пегая шерсть, короткий хвост и умные, с хитрецой, глаза.

Первое впечатление при взгляде на эту парочку — Петь и Гаврик!

Но это поверхностный взгляд. При долгих, постоянных гуляньях втроем, я начинаю замечать, что Жора постепенно начинает подражать Юмкиным манерам. Он старается идти чинно, в ногу с Юмом, из-за почтенного возраста идущего медленно. Если сидящий в нем бесенок, то есть природный инстинкт, заставляет сорваться Жору с места, он тут же возвращается с виноватой рожицей — простите,

мол, оплошал! — и наше путешествие по избранному кругу продолжается. Юм поднимает под деревом лапку, Жора отходит на небольшое расстояние, уступая первенство в совершении естественного процесса старшему, потом оставляет и свою запись на той же "странице".

Но главное, что во время этих променадов Жора оглядывается по сторонам, словно всем видом показывая спешащим мимо нас прохожим и бегущим навстречу соплеменникам: "Смотрите, я тоже гуляю с няней (это обо мне)!".

Владельцы других собак меня спрашивают, показывая на Жору — Это что, тоже ваш?!

— Да, — отвечаю я, — это мой приемный.

Жора прислушивается к разговору, улавливая интонации, — нет ли чего обидного для него.

Если случается, что Жора не вернулся к утру домой, а у него бывают ночные отлучки, меня спрашивают: "А где ваш второй?".

Мы проходим по соседней улице. У ворот стоит человек и восклицает: — О, Жора!

— Он что, вам представился? Откуда вы знаете, что он Жора?

— Так кто же Жору не знает! — несется нам вслед.

Жора не упускает ничего. Идет женщина с тяжелыми сумками, явно с Привоза. Жора отдалается от нас, подбегает к сумкам, интересуясь их содержимым, "строит глазки". Женщина ставит сумки на асфальт и достаёт для Жоры какой-то лакомый кусочек. Устоять перед мольбой в Жориных глазах невозможно.

Мы, уже возвращаясь, подходим к нашему дому Жора, словно что-то вспомнив, махнув нам на прощанье коротким хвостом, перебегает мостовую.

— Жора, куда ты?! — кричу я.

Собака оглядывается, всем своим видом сообщая: "Дела!".

Однажды я надела на Жору ошейник от блох. Для Жоры это была диковинка, которая, очевидно, ему нравилась. Он вертел головой во все стороны, словно пытаясь разглядеть себя в обновке, ходил по двору так, как молодой щеголь, впервые надевший фрак. Длилось это, правда, недолго. Через день смотрю, на Жоре ошейника нет. Спрашиваю у Галины Ивановны, заботливой хранительницы нашего дома:

— Галина Ивановна, а где Жорин ошейник?

Кто-то его, оказывается, сорвал, нечего, мол, дворовой собаке ходить в ошейнике! А с блохами можно?!

Жора невероятно эмоционален. В дождь, в сыляхоть это Жорино качество не слишком радует, честно говоря. Когда Жорик летит к тебе через весь двор, и на светлой куртке остаются следы собачьих лап, впечатление такое, что, став на задние лапы, Жора тянется к тебе с поцелуем, — первая реакция совершенно естественная — Жорка, что же ты меня так "изукрасил"! Опять куртку — в машину!

Но так искренне он тебе радуется, так летит к тебе, как будто распахивая объятия, что думаешь — да Бог с ней, курткой!

Я перехожу двор и выхожу за ворота. Жора несется следом. Правда, не упуская возможности чем-то полакомиться, авось повезет, и женщина, торгующая на нашем углу булочками, отломит кусочек.

Иду в магазин. Жора за мной. Усаживается в ожидании под дверью. Пока я выбираю, что купить, вошед-

шая женщина говорит продавщице: "Взвесьте одну сосиску. Там собака под дверью просит поесть".

Вечером прохожу мимо Успенского собора и вижу, что впереди — Жора. Он меня не видит, обходит нищих, сидящих под собором, и каждый делится с Жориком собранной за день снедью. Я тоже делаю вид, что Жору не заметила, чтобы его не смущать. Через несколько минут Жора меня догоняет, ждет под булочной. Назад мы идем вместе. Проходя мимо нищих, Жора делает вид — я с вами не знаком!

Возвращаясь, я говорю Галине Ивановне:

— Галина Ивановна, не волнуется, Жора не пропадет, он и у нищих подкормится.

Галина Ивановна в Жорике души не чаёт. Он, бывало, исчезал на несколько дней, но в ее дежурство непременно возвращался.

— Галина Ивановна, — спрашиваю я, — у Жоры в календаре отмечены ваши дежурства?

— Наверное, — довольно смеется Галина Ивановна.

То были кратковременные отлучки.

После того, что не стало Юмочки, и прекратились утренние и вечерние прогулки, Жора заскучал. Стал уходить все чаще. Соседи говорят, что ушел к строителям, с которыми вырос, пока строился наш дом. Тем более что у него там свой интерес — Метелка, рыжеватая собака с пушистым хвостом, которая ушла со строителями сразу же. Их контора в нескольких кварталах от нас.

Теперь Жора появляется в нашем дворе нечасто, чаще по выходным. В конторе никого нет, и Жора вспоминает, что у него есть "запасной аэродром". Приходя, он по-хозяйски обходит двор, потом картинно

ложится на солнышке, грея живот, либо, разможенный, выбирает самое прохладное место в тени.

Иногда приходит с Метелкой, которую держит, как домашний деспот, "в черном теле", — это касается, прежде всего, пищи. Чтобы ни получила Метелка из еды, он вырвет у нее изо рта. Она же, как забитая, рабски послушная жена, даже не пытается сопротивляться!

Иногда Жора является со всем своим семейством — с Метелкой и сыном, таким же послушным, как Метелка.

Из окна я вижу, что, насытившись (хоть, по-моему, Жора готов есть всегда), он начинает лицедействовать — выщелкивает блох на спине у Метелки, всем видом показывая супружескую нежность и заботливость. Нужно показать, кто в этом дворе хозяин, — пожалуйста — облаять въехавшую машину или незнакомого человека, вошедшего во двор.

Во дворе прижилась еще одна собачка. Говорят, что она выпущена из собачьего приюта. Она долго жила у нас под воротами, не решаясь зайти во двор. Потом преодолела робость, прижилась, но, очевидно, бедняжка столько перенесла горестей, что ведет себя тише воды, ниже травы.

Но Жорик обучил ее своим манерам. Когда он приходит на побывку, Масяня, набираясь храбрости, бежит за Жоркой к машинам и тоненьким голоском их облаивает, оглядываясь на Жору, — хорошо ли у нее получается? Жоркино воспитание!

Жора давно не появлялся во дворе. А недавно идем с мужем по Преображенской. Кто-то меня сзади толкает. Оглядываюсь — Жорик! Еще с двумя приятелями.

— Жора, у меня ничего с собой нет. Иди домой, жди меня, вернусь — накормлю.

Жора с дружкой сопровождал нас долго.

Вернувшись, я спросила у Галины Ивановны: "Жорик приходил?". Нет, не приходил.

Жора, где тебя носит?! А ну, быстро домой!

Юрий ФУРМАНОВ

О «глупом» еврее замолвите слово...

В Советском Союзе было много евреев. Одни жили благополучно, занимали высокие посты, были состоятельны. Другие — как большинство граждан, жили от зарплат до зарплат, трудились в советских учреждениях и предприятиях. Третьи были тунеядцами. Я, как и Иосиф Бродский (слабое утешение), долгое время вынужденно был тунеядцем: на евреев, как на черную икру, не было тогда спросу. Мне не повезло: не имел ни связей, ни работы, ни средств к существованию. Каждое утро вставал с мыслями о трудоустройстве и засыпал с чувством отчаяния и безысходности. Положение действительно было отчаянным — двое детей. Сначала винил себя, потом эмигрирующих евреев (как будто они всю жизнь мечтали о Святой земле), потом подумал, что всему виной работодатели-антисемиты и, наконец, понял, что дело в гозаказе: "евреев в отряд не брать".

Ну и что, подумает читатель, что нового ты хочешь сообщить? Да таких биографий пруд пруди. Да и к чему их пересказывать, когда новые демократические власти раз и навсегда покончили с антисемитизмом. Ну, во-первых, я в этом не совсем уверен, а во-вторых, не хочешь читать, читатель, не читай. Ну, а в-третьих, драматизм ситуации был в том, что я, как сейчас модно говорить, реально был русским с приличной по советским масштабам биографией, но с еврейским паспортом. Сейчас, спустя много лет, вся моя драма с трудоустрой-

вом вспоминается с грустью, иронией и юмором.

Итак, я выпускник аспирантуры весьма престижной кафедры МГУ и без связей начинаю искать работу в Москве. Поскольку чувствую себя реально русским с приличной советской биографией, ишу работу на родном факультете. Как-то сидел в социологической лаборатории, куда, по моим расчетам, мог вполне устроиться на работу. Но мне перебежал дорогу какой-то тип с явно еврейской рожей, который буквально завопил: "Ну возьмите меня на работу, ну, пожалуйста! Я хороший, я способный и т. п.". В лаборатории мне сказали, пройдешь партком — возьмем. Декан факультета написал на моем заявлении: "В партком. Считаю возможным удовлетворить просьбу нашего выпускника". Не подействовало, партком не удовлетворил. Позже мой хороший знакомый, член парткома, так объяснил ситуацию: "Тебе не повезло, старик. Три еврея на факультете есть, а четвертого по разнарядке не положено".

Что за чушь? Какая разнарядка, наверное, надо было попросить разрешения у секретаря присутствовать при обсуждении моей кандидатуры. Сам виноват. Ну что же, здесь не вышло, попытаю счастья в престижном журнале, где требовался консультант со знанием английского языка. Чтобы меня опять не прокатили на редколлегии, обращаюсь за поддержкой к очень известному советскому ученому, академику. Увы, и здесь меня ждал провал.

Оказывается, мое заявление опять обсуждалось не на редколлегии, а на парткоме института. Позже академик так объяснил ситуацию: "Увы, к сожалению, мои хлопоты не увенчались успехом. Вам не повезло. Дело в том, что совсем недавно партком исключил из партии научного сотрудника института, эмигрировавшего в Израиль. Шум по этому поводу не утихает. Я вообще считаю, что вам как члену КПСС надо обращаться за помощью не к лицам, а к структурам, и прежде всего партийным".

Он прав, подумал я. Как я сам об этом не догадался? Тем более что во главе Управления преподавания общественных наук Минвуза СССР был мой хороший знакомый. "Какие проблемы?" — приветливо спросил он меня. Когда я ответил, что, возможно, меня не берут на работу по пятому пункту, он искренне удивился тому, что я принадлежу к еврейскому племени. Затем вздохнул и сказал: "Попробую что-то сделать для вас".

Набирает, как сейчас помню, телефон ректора экономико-статистического института и очень дружелюбно к нему обращается: "Иван Петрович! Шептулин говорит. Рад тебя слышать. Где отдыхал, как здоровье жены и т. п. Послушай, здесь у меня в кабинете сидит весьма симпатичный и талантливый молодой человек с приличной советской биографией. Член КПСС, кандидат наук, толковый специалист. Посылаю его к тебе, посмотри, пожалуй-

ста". Я очень хорошо слышал, что сказал в трубку Иван Петрович: "Прекрасно, посылай, у нас есть вакансии ассистента кафедры. Итак, я записываю его данные. После того как Шептулин продиктовал ему мои ФИО, Иван Петрович сдавленным голосом высказался: "Слушай, мне что-то его отчество, Рафаилович, не нравится. Он что — из тех?". "Ну и что из этого?" — ответил мой благодетель. — Я повторяю тебе, что он член КПСС. Разве этого недостаточно?". Тут разговор прервался, и Шептулин без особого энтузиазма пожелал удачи в указанном вузе. К ректору, разумеется, меня не допустили. На проходную ко мне спустился какой-то человек и очень любезно сообщил новость, что вакансия ассистента на самом деле была вакансией доцента, а на ставку доцента у меня нет никаких шансов.

После этого я опять сам искал работу, но безуспешно. Вакансии были, и по телефону я почти договорился о трудоустройстве, но как только приносил свой личный список с пятым пунктом, так сразу же, как в известном анекдоте, не успевал произносить "здрасьте", тут же мне отвечали "до свиданья". Самое страшное, что меня начали одолевать мысли об эмиграции в Израиль. Многие удивлялись: "Старик! Что ты тут забыл, в этой гребаной стране? У тебя такая возможность выбраться из нее, а ты бедствуешь".

Эмигрировать как-то не хотелось, поскольку, повторяю, был реально русским с вполне совет-

ской биографией. Наконец, решил-ся на отчаянный шаг и пошел искать счастье в Отделе науки и учебных заведений Московского городского комитета партии. Прорвался через охрану и секретаря прямо к заведующему и с порога заорал: "Я коммунист, жена — русская, но у меня жидовский паспорт, и не берут на работу!". Заведующий спокойно выслушал все это и пообещал помочь. Увы! Родная партия ничем мне не помогла, но я ей отомстил: за год до ее развала с удовольствием написал заявление о выходе из КПСС.

Наконец, спустя год после моих "университетов" мне повезло: после тщательной проверки моей советской биографии меня взяли в режимное учебное заведение. Накануне заведующий кафедрой меня предупредил: "Если вы не возьмете целевое направление от аспирантуры МГУ, то на парткоме, скорее всего, вас прокатят". Так я и сделал, но все равно обойти партком не удалось. При обсуждении моей кандидатуры одна партдама сердобольно спросила: "На что ты, молодой человек, содержали свою семью целый год?". Читал лекции по стране, ответил я. И здесь меня поджидала коварная ловушка. Партдама взяла слово и сказала: "Ситуация неоднозначна. В партбилете нашего товарища не указано, что он платил членские взносы из гонораров, полученных от чтения лекций. Выходит, он обманывал нашу партию". После этого воцарилась тишина, а у меня подкосились ноги. Но неожиданно пришло спасение в лице самого секретаря парткома: "Давайте судить не по данному эпизоду, а по биографии в целом".

Прошло много лет, и многое поменялось, но до сих пор никак не могу ответить на вопрос, был ли тотальный антисемитизм в Советском Союзе, или мои митарства просто история обыкновенного неудачника. Может быть, я был не очень умным евреем. И только одну умную вещь я сделал — не уехал в Израиль. Там глупым евреям делать нечего.

Игорь ПОТОЦКИЙ НОВЫЕ СТИХИ

Николаю Прокопенко

Возле дома огромный пруд. Важный карп
высовывает морду, его глаза
напоминают две колоды карт,
где спрессованы столетия и голоса.
Пруд безмолвен. Ветер недавно утих.
Луна звенит, как колокольчик шута,
волна вздымается тихим совсем "прости",
где не отмерена звучания долгота.

Важный карп заблудился в огромном пруду,
морда его поникла, высунувшись из воды,
и он про себя повторяет, словно в бреду,
код, его охраняющий от близкой беды.
Кроны могучих деревьев нависают кругом,
словно столетия, замершие в потьмах,
и у карпа под маленьким его языком
долго еще ворочаются боль и страх.

Колокольчик шута до-ре-миный звон
остановил, как бег свой дерзкий бегун,
и зазвучали скрипки и альты крон,
будто смычок коснулся натянутых струн.
Карпа уже не видно. Пруд под лунной
замер, напоминая каток ледяной,
где конькобежец, чиркнув коньками о лед,
славою бредит, но в пропасть не упадет.

Все, что мы подумали друг о друге тайком,
не смогли выразить взглядами и словами,
будто по луговой траве ты бегала босиком,
а я замер.
Отключилась память, как телефон,
только твои колени и белоснежное платье,
а все остальное — всего лишь фон
перед объятьем.
И ты уже бежишь ко мне по траве,
словно скрипка, рыдая некстати,
а в моей не рассуждающей голове
много пятен.

Кроны могучих деревьев нависают кругом.
Гром несуразно вытянулся и повис.
Детство свое листаю, как древний том,
где тьма рисунков и слишком много страниц.
Дальневосточное детство мое в гарнизон
было упрятано, тайны на каждом шагу,
словно слагбаумы, шаг часовых невесом,
вьюги шалят, но об этом ты ни гу-гу!

Там подполковник Зябликов, комполка,
вновь обольщает молоденьких лейтенантш,
вечно играет в славного старика
и все бормочет: "Сердце свое отдашь!"
Сколько красавиц в его побывало силках —
не сосчитать двум сплетницам, даже трем.
Сколько кг антинежности в его глазах,
хоть их не рубит молния и не сотрясает гром.

А я видел слезы лейтенантши Марии Зет,
славной Марии Зет, стройной Марии Зет.
Весь гарнизон покрыли собой
слезы Марии Зет,
вздохи ее долетели
до Хабаровска и Владивостока.

Из-за подполковника Зябликова
я разлюбил стихи,
первую со стихами я разорвал тетрадь.
Дело совсем не в том, что были стихи плохи, —
просто мне не хотелось их никому читать.

Шагали brave роты, гремели солдат голоса,
подполковник Зябликов
на белом коне гарцевал,
но я ничего не видел —
только скорбной Марии глаза,
ее роскошные волосы и бледный лица овал.

Господи, как ты прекрасна
в небрежной позе своей —
музыка моей муки,
прошлого с будущим связя,
шорохи поздней ночи и ароматы полей,
первое стихотворение, нежная моя страсть.

В кофточке снежно-белой,
в юбочке до колен,
с робкой такой усмешкой,
застрявшей на ноте си,
боящаяся, что я пострадаю,
когда заберешь меня в плен,
а я не страдал нисколько,
но ты за это прости.

Город был на Востоке,
теперь остался мираж.
Память моя похожа на одинокий сугроб,
на дальневосточную речку
и одинокий пейзаж
тайги, что лежит под снегом,
чей не грозен покров.

Вот я и увожу тебя снова в тайгу, где могу
роли играть невзрачные — даже шута,
потому что накладывается на тайгу
светлого твоего имени звонкая долгота.

Ты похожа сейчас на вопросительный знак,
но запросто выпрямляешься
и без моих рук-
губ-ног, словно старинный пятак,
когда по нему бьешь камнем,
потом пропадает звук.
Тело твое волшебным светится фонарем
и загорается звездочкой в небесах,
снова и снова шепчущей,
что быть мне в сердце твоём,
плыть по нему, и ветер
играет пусть в парусах.
Как я боюсь приблизиться!

Делаю робкий шаг
и застываю на месте,
словно в подъезде чужом,
где я сочинил поэму о глазах твоих и губах,
а ты сказала некстати, что я пишу не о том.

Как она была хороша, паря надо льдом
воображаемой птицей, летели за ней
т-а-я-т-мягкий знак-я-н-а и хватал я ртом
не снежинки, а буквы,
что были Земли круглей.
Как таблетки, ложил эти восемь
букв под язык,
и снимали они любую печаль и боль,
превращая в улыбку несостоявшийся крик
или в музыку, что разговаривала с тобой.

МАРИ-Я

Я не помню, как звали ее, — назову Мари,
обрубив последнюю букву, что стала мной,
но одну прогулку я помню — до самой зари,
может, поздней зимой,
а возможно, ранней весной?

Своей равна, печальна, возвышенна и озорна,
протрубила она,
что теперь поцелуй без счета,
потому что нет звездам числа,
и застыла луна,
как последняя клякса,
в небесные въехав ворота.

Вот она приникает ко мне, проникает в меня,
будто я выпиваю любовный раствор,
забывая

Игорь Потоцкий. Рисунок Николая Дронникова

всех любивших меня,
всех когда-то бросавших меня,
всех пленивших меня — даже их
я легко забываю.

Математик Гипотенуза
был высоким и тощим,
философствовать мог на любую тему,
но более всего он любил леса и рощи,
а потом уже Солнечную систему.

Нос его был большого размера,
и он чувствовал своим носом
всех, кто списывает примеры
и задает каверзные вопросы.

В класс он заходил без хлыста и палки,
но глаза его гневно сверкали,
похожие на бронетранспортеры и танки,
что метко по двоечникам стреляли.

Он не точил на уроках ласы —
никогда не отвлекался от заданной темы.
Младшие классы и старшие классы
ждали с нетерпением перемены.

За окнами многоточие парка —
кроны, разучивающие свои гимны,
но однажды Гипотенуза заплакал
прямо на уроке. Сгорбил спину.

Как первоклашка, выбежал из класса.
Мы так и не узнали, что у него случилось?
Но с той минуты, могу поклясться,
что-то в наших душах переменялось.

Так мы полюбили Гипотенузу...

Квадрат казарм, квадратный плац,
прямоугольники окон.
Проходит мимо Розенкрац —
войны гражданской военком.
За ним течет кровавый шелк
знамен — своих или чужих,
а в памяти — все щелк и щелк —
зигзагов много в ней косых.
Спален в ней город дочерна,
стоит невыносимый смрад,
лежит в развалинах страна
и бессердечен к брату брат.
День раньше времени померк —
не выдержал, в ногах ослаб,
метнулся в угол от калек,
опал лицом, как жалкий раб.
Местечко стало пустырем.
Внезапно понял Розенкрац,
что он — совсем не военком,
а пасынок судьбы — паяц.
Два года брел он на восток,
его скрывал деревьев мрак,
пытаясь выследить исток
улыбки на чужих губах...

IX Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" предлагают все желающим
участвовать в IX Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:
«Держу пари, что я еще не умер...»

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

«Довольно кукусься...»

Довольно кукусься,
бумаги в стол засунем,
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,

Что я еще могу набедрокурить
На рысистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.

Не волноваться: нетерпенье — роскошь.
Я постепенно скорость разовью,
Холодным шагом выйдем на дорожку,
Я сохранил дистанцию мою.

В конце этого года и в начале 2009 пройдут региональные турниры, на которых будут отобраны призеры, получающие право участвовать в финале турнира в мае 2009 года в Дюссельдорфе.

Друзья! Наш проект "Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе" рассчитан на десять лет — 2001-2011 годы. На протяжении восьми лет мы творили новую поэтическую реальность. Впереди у нас еще два турнира. Два года нас будут вдохновлять новые строчки девизов, чтобы к концу марафона получить возможность быть по достоинству оцененными. Нами запланировано в 2011 году издать "Золотую книгу" стихов поэтов, принимавших участие в турнирах. Мы предоставим вам возможность ознакомить читателей со своими поэтическими произведениями, не связанными с тематикой турнира.

Сайт турнира в Интернете: www.turnir-poesie.de
e-mail: Pedakhovskaja@t-online.de
Тел. 0049 (0) 211 352240

Президент Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе
Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ.

Лада ПРОКОПОВИЧ

ИЗ ЖЖЖЖЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

О, если бы ты, маленькая муха,
могла говорить!
Насколько иным было бы
все наше знание о прошлом мире!
Иммануил Кант

Муха, разумеется, может рассказать много интересного. Благо что она большая любительница поболтать, пожужжать, пожужжать, пожужжать... Хлоп! Особенно тогда, когда ее об этом никто не просит.

А что может рассказать муха, попавшая в янтарную смолу? Чем может обогатить мир несчастное насекомое, шедшее куда-то по своим делам и не дошедшее в силу столь непредвиденных обстоятельств?

Выругается, конечно, сперва эта муха, матерком пройдет по окружающей среде... Понятное ж дело, пожить еще охота. Откуда ей, мухе, знать, что влипла она не просто в смолу, а в Историю.

Со временем муха это поймет. И возгордится. И почувствует себя главным объектом поклонения любого ученого-палеонтолога, который, прильнув к окуляру микроскопа, с азартом и восхищением будет разглядывать каждый волосок на ее лапках, каждую прожилку на ее крыльшках, стараясь определить, к какому виду она относится. И если окажется, что ни к какому... и если он сможет дать новому виду свое имя... что-то вроде *Ivanopolus Dostoprimechatelnus* или, скажем, *Kovbasyuk Genius Nasionalius*...

Для мухи очень важно, чтобы ее так внимательно рассматривали под микроскопом. Чрезвычайно важно. Архиважно. Потому что трудно будет еще раз пережить такой позор, какой она и все ее соплеменники переживали в течение нескольких веков, когда вся более-менее образованная Европа полагала, что у мухи — четыре ноги. Кто-то из переписчиков трудов Аристотеля ошибся и написал "4" вместо "6". Поскольку в Средние века труды Аристотеля считались чуть ли не священными, то ошибка пошла гулять по научным трактатам из века в век. И неизвестно, сколько бы еще гуляла, если бы какой-то ниспровергатель авторитетов не догадался бы изловить муху и сосчитать, сколько у нее ног.

Справедливости ради надо заметить, что такое пристальное внимание к собственной персоне муха

знавала не только со стороны ученых, но и со стороны писателей. И не просто писателей, а гениев! Ведь еще во II веке древнегреческий писатель Лукиан написал сатирическую "Похвалу мухе". А кто как не Гоголь, гений русской прозы, мог так описать бал у губернатора: "Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда ста-

прилететь с новыми докучливыми эскадронами".

Муха в янтаре, муха на рафинаде, муха на портрете императора Франца-Иосифа... Как оказывается, иногда легко из прозы жизни попасть в Прозу.

А вот из той же самой прозы попасть в Поэзию — труднее. Для этого надо так изловчиться, чтобы подвернуться под руку, а точнее — под перо, такому поэту, как Иосиф Брод-

рая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, поднимающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски, где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу раставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крыльшками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь, и опять

ский. И не просто абы как прилететь и сесть ему на лоб или, скажем, на нос, а так себя подать, так преподнести, чтобы поэт принял тебя за Музу. А дальше... дальше надо быть готовой к тому, что поэт поступит с тобой так, как обычно поступают мужчины: воспользовавшись твоим осенним полубоморочным состоянием, начнет подталкивать "ручкой подлой тебя к бесплотной мысли", изомнет этой ручкой твоё нежное тело, исковеркает легкокрылую жизнь твою, напишет о тебе поэму, в которой поднимет до звезд и опустит до навоза, а потом скажет: "Прости: жестоко". И цинично добавит: "Надеюсь все же, что тебе не больно".

Впрочем, мухе ли привыкать к жестокости?

Недавно в Валенсии ученые обнаружили самую древнюю паутину в мире, застывшую в янтаре 110 млн. лет назад. В этой окаменелости на-

шли муху, жука и осу, тела которых были полностью залиты доисторической смолой, указывающей на то, что эти насекомые предназначались для еды древнему пауку.

Можно представить себе это зрелище, как некогда представил его Корней Чуковский в своем бессмертном творении:

Муха криком кричит,
Надрывается,
А злодей молчит,
Ухмыляется.

А злодей-то не шутит,
Руки-ноги он Мухе

веревками крутит,

Зубы острые
в самое сердце вонзает
И кровь у нее выпивает.

Для тех, кто не упал в обморок после прочтения этой кровавой сцены из детского стишка, продолжим.

Итак, не просочись тогда из сосны смола, не залей она разом всю эту обреченную компанию, неизвестно, чем бы все кончилось. А так... Пища, предназначенная для ископаемого паука, превратилась в пищу для современных научных исследований. Особый интерес вызывает паутина, расположение нитей которой сильно отличается от конструкций современных пауков. Сложный узор этой паутины говорит о том, что древние пауки выбирали более изощренные орудия убийства, чем их нынешние коллеги.

Неизвестно, правда, в каком плену лучше оказаться — в липкой паутине или в вязкой смоле, — но муха далеко не одинока в своем вековом заключении. Однажды был найден кусок янтаря размером около 20 см в диаметре. В этом медово-солнечном саркофаге содержалось свыше 250 мелких мушек во всевозможных позах. Всего же в янтаре найдено и определено около трех тысяч видов насекомых! Муравьи, термиты, жуки, стрекозы, пчелы, цикады, шмели, пауки, комары, сороконожки, земляные черви, кузнечики и многие другие обитатели древних лесов навечно законсервированы в золотистых кусочках янтаря. Конечно, в довольно приличном обществе оказалась муха. Есть, как говорится, возможность и себя показать, и на других посмотреть.

Жаль только, что смотрами дело

и ограничивается. А как хотелось бы еще и поговорить! Ну хоть словечком перекинуться! Нет, не с этими зазнайками сороконожками и не с этой расфуфыренной бабочкой, а вот хотя бы с тем тараканом. Красавец мужчина! Вон как усищи растопырил. Гусар! Ах... А это кто там? Жук-носорог? Бедняга. С тех пор как жена наставила ему такой роскошный рог, он совсем свихнулся на почве ревности. В последнее время только и знал, что рассказывать анекдоты про жука, вернувшегося из командировки. Один-два таких анекдота в его исполнении еще можно было выдерживать, но потом приходилось делать ноги под любым предлогом. А то и вовсе без предлога драпать куда глаза глядят... А там что за парочка? Стрекоза и муравей. Интересно, он до сир пор посылает ее... поплываться? Как он там говаривал: "Ты все пела? Это дело: так поди же поплывай!"? Фи. Что за моветон! Разве стрекоза виновата, что родилась не совсем вовремя? Родилась она позже, где-то в конце века XX или начале XXI, своими песнями и плясками заработала бы на такой дом, что муравью и не снилось. И еще хорошенько подумала бы, приглашать ли его и дружка его — баснописца Крылова — к себе на новоселье... О чем с такими разговаривать?... Вот с цикадами хорошо было бы пострекотать. Поэт Осип Мандельштам хорошо отзывался о них как о собеседниках. "На языке цикад, — говорил он, — пленительная смесь и грусти пушкинской, и средиземной спеси". Приятнейшая могла бы выйти беседа!..

Нет, кто бы что ни говорил, а в образованном, начитанном обществе всегда есть о чем поговорить. Как заметил Иннокентий Анненский,

Едва пчелиное гуденье
замолчало,
Уж ноющий комар
приблизился, звеня...

А вслед за комарами и сверчки могли бы высказаться. Тоже с музками на короткой ноге...

Но, увы, все скованы, все замкнуты. Вздохнет муха тяжело, достанет свою старую пишущую машинку, сдует с нее пыль веков и усядется писать мемуары. Ей есть что вспомнить, этой мухе в янтаре, есть о чем поведать миру.

Пожужжим еще.

Исполнение желаний

Передо мной на буфете стоит антикварная супница. Она очень приятной формы в стиле модерн с синими причудливыми цветами. Это даже не фарфор, а фаянс, но она действительно очень симпатичная, и к тому же с ней связана довольно романтическая история.

Начнем с моего раннего, еще довоенного детства. Мои родители — артисты эстрады — очень много гастролировали, и я была оставлена на тетю, бабушку и няню. Конечно, они очень любили и баловали меня. Но все-таки по-настоящему счастливой

я была, когда папа и мама были дома. Тогда в обеденное время няня вносила в столовую большую красивую супницу, и мама разливала из нее суп роскошным серебряным половником, а я сидела, затаив дыхание от счастья, и почти блаженствовала.

Прошло много лет, уже нет на свете ни папы, ни мамы, и няня погибла в блокадном Ленинграде, но почему-то домашнее семейное тепло у меня ассоциируется с супницей. Как будто именно она создавала уют и полноценность семьи.

И вот тогда я поняла, что у меня

самой не складывается семья. И если я полностью реализовалась в профессиональной и общественной жизни, то семья у меня долго не получалась. Тогда я решила начать с другого конца. Я стала коллекционировать супницы. Их у меня собралось, наверное, штук 12. Они стояли на всех шкафах и буфетах, в одной из них я хранила хлеб, в другой электрические лампочки, в третьей клубки и т. д.

И вот однажды я, идя на работу, зашла в комиссионный магазин на Вознесенском проспекте и увидела детей: Ирочка — студентка, и Андрей — кукольник. И кроме того, у них была очень преданная домработница Настя. Она жила в этой семье около 40 лет. Была аккуратистка, хорошая стряпуха. Но от природы была немного косноязычна. Про моих брата и сестру она говорила: "Иротка — кротавица, Андрютка — кулиган".

Однажды они пошли на оперу "Пиковая дама". Настя пришла домой очень довольная. "Так криво, так криво, все поют и кланяются, я тоже им кланяюсь". Дядя Миша спрашивает: "Ну, а как тебе сама Пиковая дама?". Настя: "Не было никакой пиковой дамы". Дядя настаивает: "Ну как же, вспомни, ста-

ту самую супницу, она мне понравилась с первого взгляда, и цена меня вполне устраивала, но денег с собой не было. Я пришла на работу и бросилась ко всем своим коллегам с просьбой дать мне займы денег до завтра, я им рассказала, какая это замечательная супница и как я мечтаю ее купить, но ни у кого денег с собой не оказалось. На другой день я уже с деньгами бросилась перед работой в этот магазин. И продавщица с сожалением сказала, что супницу только что купили. Я со слезами пришла я на работу и в расстройстве чувств поведала коллегам, что моя любимая супница, о которой я так мечтала, "ушла".

Коллеги меня успокаивали, сочувствовали. А через несколько дней был мой день рождения. Я купила большой торт, конфеты и устроила чаепитие на работе. И вдруг вошел наш директор и преподнес мне от нашего коллектива эту самую супницу и сказал, что коллеги мне ее дарят как символ "исполнения желаний".

И самое интересное, что супница "сработала". У меня замечательный муж, и не только: он подарил мне сразу двух великолепных детей, трех внуков и одного правнука. Иногда я смотрю на эту супницу и спрашиваю ее: "Это ты исполняешь мои желания?". А она хоть и молчит, но очень многозначительно.

Дела давно минувших дней

У моей мамы был брат, путейский инженер Михаил Алексеевич Луговой, который был женат на правнучке Барклая де Толли, Екатерине Дмитриевне Бессоновой. Тетя Катя знала несколько языков и была заведующей кафедрой иностранных языков в педагогическом институте. А дядя хорошо знал английский язык и часто пользовался в своей работе английскими чертежами и учебниками, за что и поплачивала. Его заместитель, который претендовал на его место, донес на дядю Мишу в НКВД, что дядя-то английский шпион. Там особенно разбираться не стали и выслали его сначала на Север вместе с семьей, а через год семью вернули, а его от-

правили на стройку Беломорканала, где он и проработал 7 лет, а потом его вызвали и сказали, что теперь они знают, что дядя не английский шпион, и он может возвращаться обратно с полной реабилитацией. "Ни тебе здарсьте, ни тебе пожалуйста". Мама как-то спросила у дяди Миши о том, как там было ему в заключении. Он ответил, что, конечно, было и холодно, и голодно, и тошно, но в таком коллективе, как на Беломорканале, он никогда в жизни не работал. Он сказал, что там были собраны самые талантливые инженеры России, что даже чертежники у них работали талантливые инженеры.

У дяди Миши и тети Кати было двое

руха в чепце". Настя рассердилась: "Ну не было пиковой дамы, ну не пришла в тот день". А вот с балетом был скандал: Ирочка пришла в слезах, а Настя была очень злая: "Трам-то какой, куда ребенка посылаете? Девки-то все голые, мудыки голые. Мудыки девок все поднимают и поднимают. А внизу сидит дяденька с палочкой и говорит: "Нельдя, нельдя", — а они все свое".

Дядя Миша умер в блокаду у нас дома. Он потерял сознание на улице, и его принесли к нам. Труп лежал почти рядом со мной, и у нас не было сил его вынести. С тех пор я не боюсь мертвых, я боюсь живых. А вот "Андрютка — кулиган" дошел

до Берлина, вся грудь в орденах. Капитан артиллерийской разведки. Я, тогда еще девочка, как-то сказала про одного хулигана, что просто "убила бы его". И вдруг Андрей стал таким строгим и сказал: "Лялька, никогда не говори так. Если бы ты знала, как трудно убить человека, даже если он враг". Я навсегда запомнила Андрюшины слова, и меня потрясает, как сейчас легко относятся к жизни и смерти человека.

Андрюша, уже со своим внуком, стоит перед Казанским собором в Ленинграде, и Алешка спрашивает: "Дед, так кто мой предок, этот или этот?".

Сейчас уже нет ни Андрюшки, ни Ирочки. А вот Алеша Луговой, потомок Барклая де Толли, сейчас международный гроссмейстер по шахматам.

Нелли ПОЗНЕР.

Рада ПОЛИЩУК

О бывшей старой деве Фирушке, бесценном папулечке Лазаре и ненаглядном муже Яше

Брожу по опустевшей Одессе. Плутаю по вновь переименованным улицам и переулкам. Все перепуталось. Вот родная улица Чичерина, бывшая Успенская, ныне опять Успенская. Время потекло вспять? Память ходит по кругу? Или меня снова занесло не туда?

Вижу: впереди, тяжело опираясь на палку, идет, подтягивая парализованную левую ногу, Лазарь — отец старой девы Фиры, моей троюродной тетки. Впрочем, не такая уж она старая была в ту пору. Лазарь умер, когда ей исполнилось двадцать восемь. И все же Фирино девицество явно затянулось — факт неоспоримый и повсеместно обсуждаемый, с сочувствием, осуждением, ленивым любопытством, невнятным злорадством. Так и слыла на всю Одессу старой девой не старая еще Фирушка.

Это сейчас она старая старуха семидесяти восьми лет, живет в Чикаго с мужем Яшенкой, сыном Шимоном и шестью внуками из трех пар близнецов — Дзвик и Дзвик, Броня и Соня, Ривка и Рафка. Вот такой красивой картины обернулись жизненные обстоятельства у старой девы Фирушки.

Только бедный папулечка Лазарь этого не узнал.

Умирая, бормотал до последнего вздоха:

— Фирушка, девочка моя, прости, прости, не сумел, не устроил твою судьбу, прости, дочечка, рыбонька золотая моя...

Фирушка плакала навзрыд и целовала его холодеющие руки:

— Ты ни в чем не виноват, папулечка, родненький мой, не виноват ты, все от Бога, не любит Он меня за что-то...

Поспешила Фирушка с таким категорическим выводом, поспешила. Но в ту горькую минуту кто же мог знать, что вся жизнь ее переменится? Кто?

Фирушка осталась совсем одна. Плакала дни и ночи напролет, остановиться не могла. Глаза заплалили, будто незрячая стала, и лицо совсем уродливым сделалось: огромный, в пол-лица, рот с вывернутыми губами, нос крючком, на подбородок тень отбрасывает. Ей казалось, не только люди избегают глядеть на нее, но даже кошки с дикими воплями разбегаются в стороны, как бешеные. Впрочем, мартовские кошки всегда бешаются, и может быть, она вовсе была ни при чем.

Вот и маленький Колька, приبلудный сын соседки Сары, едва завидит Фиру, зажмуривается, точно чудische-страшилище явилось ему, ладошками сверху глаза прикрывает от злого видения и орет что есть мочи:

— У Филушки класивые глазки, класивые! Где Филушкины глазки?

Такой славный мальчонка, хоть и приبلудный, — заметил и запомнил, что у нее красивые глаза.

А так один только папулечка всегда уговаривал ее до самой смерти:

— В такие глаза, Фирушка, только дурак не влюбится. Один раз увидишь — и все, и конец, пропадешь. Поверь мне, чтоб я так жил.

Чтоб он так жил. Ох! Дорогой, ненаглядный папулечка! Можно подумать, что она до двадцати восьми лет в парандже ходила, и ни один мужчина ни разу не видел ее прекрасных глаз.

— "Очи черные, очи страстные..." — это про тебя, дочечка моя. Про тебя, — твердил папулечка и смахивал слезы.

Почти всю ее жизнь — до папулечкиной смерти и еще двенадцать беспросветных месяцев после — сопровождали Фирушку слезы. Мамоchка

умерла рано, когда ей едва исполнилось пятнадцать. Споткнулась на улице, упала, ударилась головой о ступеньку чужого крыльца и умерла.

— Нарочно не придумаешь! — вскрикивал Лазарь и озирался по сторонам, ища подтверждения, опровержения, исправления случившегося.

Этот несчастный случай был известен всей Одессе. Они везде оказывались в центре внимания, Лазарь и Фирушка: в трамвае, в поликлинике, на Привозе. И Лазарь всем рассказывал про мамочку.

— Нарочно не придумаешь! — вновь и вновь вскрикивал он, смахивал слезы и начинал свой рассказ: — Она была такая ловкая, спортивная, гуттаперчевая, в нашей бригаде синеглазых... Вы же ж помните, конечно, кто такие синеглазые? — всегда переспрашивал он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — В наших пирамидах она на самом верху стояла, на четвертом ярусе, и сама прыгивала, без поддержки и страховки... А тут: споткнулась, упала и — не поднялась. Слушайте, так же ж не бывает, вы знаете такое? Нарочно не придумаешь! — и принимался плакать.

А вслед за ним и Фирушка. Мамочку было жалко, папулечку. И себя, уродину несчастную, которую теперь всю жизнь любить будет только один папулечка. А если он умрет? Она точно помнит, что подумала тогда именно так: "если". Потому что если бы подумала "когда" — не выдержала бы надвигающейся пустоты одиночества и умерла раньше папулечки. Так ей тогда казалось.

Только то понятие "если" утекло в прошлое с потаками Фирушкиных слез, когда папулечка умер-таки, и она осталась одинешенька на всем белом свете. Полная сирота.

И все вспоминала, вспоминала. И каждое новое воспоминание вызывало прилив слез. Глаза не просыхали и не открывались. Да и не хотелось Фирушке их открывать. Что могла она увидеть? Ненавистное с детства отражение в зеркале, теперь еще и безглазое? Свое безысходное одинокое будущее, ничемную старость? Даже обузой она никому не станет — потому что никого у нее нет.

Так, наверное, думала моя троюродная тетка Фира, старая дева, оплакивая смерть отца и заодно себя, горемычную. И некому было ее утешить, отвлечь от мрачных мыслей. Не то что никого не было рядом — просто никто не готов был делиться с ней ее горем и тонуть в потоке ее слез. Погоревали о Лазаре и родственники, и соседи. В двух проходных дворах, соединенных глубокой аркой с помойными баками, на его похоронах немало набралось и дружески расположенных к усопшему и от души жалеющих Фирушку, одинокую старую деву, бобылиху на веки вечные, и любителей поплакать у гроба над бренностью и скоротечностью жизни, и просто праздного любопытных ко всякому происшествию. Всякого народу сошлось: и родных, и чужих, и малознакомых, и евреев в ермолках с молитвенниками в руках, бормочущих заупокойную молитву, и говев, осеняющих крестом себя и покойного, — никого ж не удержавши за руку.

А Фирушке и не до того было, она все видела как во сне, одно только запомнила точно: строгое отчужденное лицо дорогого папулечки, нездешнее лицо, почти неузнаваемое. Она целовала его холодный

расправившийся от морщин лоб, гладкие щеки, вставшие на место губы, она шептала ему в самое ухо заветные слова, которые больше никогда никому сказать не сможет. Слова извечные, не ею придуманные, но кровью ее сердца истекающие: "Оеёёёй, вей из мир, Господи, дорогой мой, единственный папулечка родненький, зачем ты ушел, на кого оставил меня одну-одинешеньку, зачем покинул меня несчастную, как жить мне без тебя? Для кого? Для чего? Не уходи, останься со мной, родненький мой, или возьми меня с собой, я не смогу жить без тебя! Мне страшно! Оеёёёй, вей из мир, Господи!"

Плач всех веков и народов, плач осиротевшей души, беспомощные слова, бесполезные, на всех языках одинаковые — неподдельные и нецелесообразные.

А папулечка молчал отрешенно, будто не вчера еще только, перед самой смертью, глядя ее руки одной правой, уже слабеющей рукой, говорил: "Я люблю тебя, дочечка, и всегда буду рядом, всегда буду...". Еще что-то сказать хотел, но не успел. "Всегда буду". А где? Где ей искать его? В могиле? На небесах? Или где?

Фирушка была безутешна. Не жила — только горевала, плакала, вспоминала. И всякое воспоминание было горьким, болезненным, невыносимым. А кроме этих воспоминаний у нее ничего и не было.

Они пережили с папулей один счастливый период — период его жертвенной борьбы за Фирушкину судьбу и их внезапной надежды. Никогда не молилась она так истово, так воодушевленно, как тогда. Почти поверила в Божественный промысел: надежда на добрые перемены появилась, как это ни странно, вследствие тяжелейшего инсульта, который пережил папулечка. И Фирушка вместе с ним — час за часом, минута за минутой. Лицо его перекосило, левая рука повисла, и при ходьбе он тянул левую ногу, зато — счастье какое! — лежал в одной палате с настоящей сватом — шотхеном из синагоги.

Они никогда не думали, что существует такая возможность: "ярмарка женихов". Этой неловкой шуткой они подбадривали друг друга: дескать, еще не утратили чувство юмора. Но надежда вспыхнула обжигающим пламенем. "Взвейтесь кострами, синие ночи", — и к стати, и не к стати вспомнила Фирушка, вспомнила свой восторг и испуг, вспомнила, как глаз не могла оторвать от огненного языка, наклонилась низко и не сразу почувствовала: жарко сделалось голове, жар побежал по волосам, потом стало темно и трудно дышать, кто-то вовремя надел ей на голову чехол от гитары... Не обгорела даже, только волосы подпалились чуть-чуть. С тех пор она боится открытого огня.

Папулечка стал по воскресеньям ездить в синагогу. Фирушка провожала его до трамвая. "Дальше я сам, — говорил он. — Иди домой, дочечка, жди меня". Она стояла за углом, дожидаясь, пока подойдет трамвай, глядела, как он с трудом взбирается на ступени, и мысленно благословляла его на подвиг. Однажды она даже непроизвольно перекрестила его спину, отдернула руку, будто прикоснулась к запретному, засунула глубоко в карман, а мысленно повторяла: "Благослови его, Господи, помоги ему, Господи".

Он возвращался усталый, обес-

силенный, но вдохновленный, — показывал ей записочки: рост, образование, возраст, имя.

— Господи, сколько холостых мужчин, теперь все будет хорошо, дочечка, — шептал он и улыбался просветленной улыбкой, и перекошенный параличом рот сползал слева к подбородку, а правый уголок вздергивался к носу. — Женихи, Фирушка! Смотри, сколько женихов!

Он раскладывал на столе, как пасьянс, драгоценные записочки и уверенно говорил:

— Мы выберем тебе самого лучшего в мире! И ты будешь счастлива. Конечно, чтоб я так жил!

Чтоб он так жил, Господи!

Ради папулечки Фирушка согласна была выйти замуж за кого угодно, не глядя. Но трагедия состоялась как раз в том, что на нее никто не глядел. Вернее, рассматривали в упор, со всех сторон, как лошадь на базаре, и она со стыда сгорала от такой откровенной бесцеремонности. Но терпела ради папулечки: его усилия не должны пропасть даром, он ведь делает это из последних сил.

Почти каждый день, в течение года, ездила она на эти мучительные свидания. Правильнее сказать — несвидания, потому что к ней никто не подошел из потенциальных женихов. Ни один! Ее уродство отпугнуло всех. Хотя и она не заметила среди топтавшихся вокруг нее мужчин ни Марлона Брандо, ни Алена Делона. Фирушка же готова была принять и полюбить любого, только чтобы поддержать папулечкину угасающую с каждым днем надежду, потому что видела — вместе с надеждой угасает его жизнь.

Ровно через год после смерти Лазаря Фирушка порвала всю его "картотеку" — и уже использованные, и отложенные на будущее записочки с именами, телефонами и другими параметрами женихов. На каких-то записочках стояли галочки с минусом, но почему-то он их не выбросил, на каких-то — его неровным почерком, карандашом, были сделаны неразборчивые пометки. Она не сумела их разгадать, бросила все обрывки в унитаз. И только спустив воду, будто очнувшись от глубокого обморока: хлынули слезы, сердце пронзила острая боль, от которой перехватило дыхание. Фирушка, судорожно всхлипывая, наклонилась к унитазу и выхватила последний клочок бумажки, плавающий на поверхности воды.

Чернила уже размылись, но телефон и первую букву имени можно было разобрать. И она переписала их. Зачем — сама не понимала. Высушила и мокрую бумажку с расплывшимися знаками: последний клочок папулиной надежды.

Позвонить незнакомому Яше Фирушка долго не решалась. Хотя в глубине души уже знала, что сделает это. Может, она сошла с ума, рехнулась от тоски одиночества, может быть. Но этот клочок бумажки, который не унесло в канализацию, стал казаться ей знаком, ниспосланным свыше, из тех неведомых сфер, куда ушел от нее папулечка. Здесь, на земле, они никогда не расставались надолго.

Она ведь ни разу не оставила его одного и тогда, когда он ездил в синагогу. Садилась на следующий трамвай и шла — шаг в шаг, следом, на таком расстоянии, чтобы он не мог ее заметить, но чтобы в случае чего тут же оказаться рядом. Он так никогда и не узнал, что она сопровождала его в этих непосильных пу-

тешествах, одолевая которые помогала ему любовь к ней, к Фирушке. Так-то он из дома не выходил бы, сил никаких не было, ноги-руки не слушались, тело было чужое, тяжелое, свинцовое, в глазах пелена, и шум в голове такой, что уши закладывало. Если бы не Фирушкино счастье, за которое он жизнь готов был отдать, он бы лег, и не поднимался, и глаза бы прикрыл. Навсегда. Устал от жизни папулечка. Она это не просто видела — она чувствовала, словно слились они в единое целое, в котором боль, надежда, одиночество, прошлое и будущее — все одно на двоих, нерасторжимое.

Фирушка набрала номер телефона, который уже давно знала на память, зачем-то долго-долго слушала длинные монотонные гудки, будто разбудить хотела кого-то. И разбудила. Голос у мужчины был спящий и невыразительный, без полутон, как телефонные гудки. Так ей показалось. Но она так нервничала, что вся дрожала как в лихорадке.

Разговор не складывался. Сначала она долго ямлила что-то невразумительное про мокрую бумажку, расплывшийся телефон и букву "я", оставшуюся от имени... А потом — словно вдруг прорвало плотину — бурным потоком: про свое одиночество, про длинный нос, про "очи страстные", про пирамиду "синеглазых", где мамочка стояла в четвертом ярусе, про ее роковое падение годы спустя, про папулечкин инсульт, про его неродное лицо в гробу...

Она с ужасом вслушивалась в свои слова, как будто была на другом конце провода: зачем она все это говорит? Кому? Не может он так долго и терпеливо слушать ее бредни, чужой мужчина, о котором она не знает ничего, кроме номера телефона и имени, угаданного по полурасплывшейся букве "я".

— Хотите, я приеду?

Он здесь, он с ней, он слушал весь этот бред! Слушал!

— Нет, нет! — вскрикнула Фирушка испуганно, и тут же поспешно: — Да! Да!

— Говорите адрес.

Его звали Яша, нетрудно было догадаться. Невидный, худенький, лысый. Нос, как и у нее, отбрасывал тень на подбородок. А глаза — теплые, тревожные, страстные, испуганные. Где-то она видела эти глаза.

Вообще, он кого-то ей мучительно напоминал, этот Яша, буквально выжженный со dna унитаза.

После они всегда смеялись до слез, вспоминая историю своего знакомства. Никакой романтики! Зато предначертанность точно была. Они были похожи, как близнецы. И полюбили друг друга с первого взгляда. Фирушка не ждала такого поворота событий в самых отчаянных своих мечтах. Не жертвоприношение на алтарь беззаветной папулиной надежды на ее счастливое будущее. Не прыжок в омут с закрытыми глазами от безнадежности — пан или пропал: в другую жизнь, как в смерть, лишь бы распрощаться с этой, пыльной. Не жертвоприношение, нет, — к ней пришла любовь. Настоящая любовь. На долгие годы Яша стал для нее самым лучшим мужчиной в мире.

Папулечка таки оказался прав: они его нашли.

Вот такая счастливая конфигурация сложилась у бывшей старой девы Фирушки без горячо любимого папулечки Лазаря.

Он таки оказался прав.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ Красноречие мадам Крик

В 1925 году, за год до одноименной пьесы, Исаак Эммануилович Бабель написал рассказ "Закат", рукопись которого хранилась у близких людей автора и была опубликована без малого через сорок лет. И лишь тогда читатели стали свидетелями вечерней сцены, разыгравшейся в семье налетчика Бени Крика с участием его отца — биндюжника Менделя, младшего брата Левки и матери, которая взывала: "Мендель, ...набей Левке вывеску! Он съел у меня одиннадцать котлет...". Мадам Крик изъяснялась на изысканном молдаванском диалекте могучего одесского языка и имела в виду исключительно физиономию своего ненасытного чада, но никакую не вывеску, даже не их собственную, подробно описанную в рассказе: "Беня, которому через несколько месяцев суждено было сделаться Беней Королем, не сдался и заказал новую вывеску "Извозпромышленное заведение Менделя Крик и сыновья". Это должно было быть написано золотыми буквами по голубому полю и перевито подковами, отделанными под бронзу". А в пьесе она имеет несколько другой вид: "К стенке приставлена новая вывеска. На ней золотыми буквами: "Мендель Крик и сыновья". Вывеска украшена гирляндами подков и скрещенными кнутами". Вариаций на одну эту тему могло быть сколько угодно, потому что, к примеру, Даниил Кружков со Степовой, 16, ни в коем разе не соглашался бы иметь точно такую же вывеску своего извозпромышленного заведения, какая была у его коллеги и конкурента Шаи Крутовского в соседнем с ним доме № 18.

Владимир Иванович Даль еще в середине 1860-х годов в своем "Толковом словаре живого великорусского языка" определил вывеску как "доску, щит, различного вида, с надписью, с изображением предметов продажи или выделки, у мастеров, ремесленников, на лавках". Ими и были отмечены в Одессе гостилицы, полицейские участки, банки, заводы, рестораны, пароходства, бани, посреднические конторы, прочая и прочая, словом, учреждения и заведения самого различного характера, назначения и репутации. Исключения составляли разве что заведения Запорожской улицы, персонал которых состоял исключительно из лиц древнейшей профессии. Правда, по словам А.И. Куприна и над входом в знаменитую пивную "Гамбринус" на Преображенской, 32, угол Дерибасовской, "вывески совсем не было. Прямо с тротуара входили в узкую, всегда открытую дверь. От нее вела вниз такая же узкая лестница в двадцать каменных ступеней". Что касается двери и лестницы, то автор абсолютно прав и точно так было еще в послевоенные одесские времена, когда вместо "Гамбринуса" там располагалась "Кухня восточных блюд". А вот отсутствие вывески есть не что иное, как авторский вымысел, целиком подчиненный творческому замыслу. Никто не позволил бы мадам Паулине Гоппенфельд держать в самом центре города заведение без вывески и обязательного фонаря над ней. Еще в конце 1885 года Осип Осипович Чивевич разработал и согласовал с одесским полицеймейстером утвержденные вскоре Городской Думой правила, которые однозначно устанавливали, какого цвета должен быть фон и буквы на вывесках, как тогда называли, трактирных заведений. Гостилицы — фон голубой, буквы золотые или желтые. Рестораны — фон розовый, буквы серебряные или белые. Чайные трактиры — фон синий, буквы красные. Харчевни — фон красный, буквы черные. Кафе — фон желтый, буквы серебряные или белые. Винные лавки — фон светло-зеленый, буквы черные. Постоялые дворы — фон белый, буквы синие. А вывески всех одесских пивных, включая "Гамбринус", непременно должны

были быть оранжевыми с черными буквами. Автор этих правил много лет состоял членом городского по питейным делам присутствия, а потому задачу свою понял хорошо и исполнил правильно. И впрямь, если учесть, что по самым скромным подсчетам, неграмотные составляли тогда больше половины всех жителей Одессы, такая обязательная раскраска вывесок была очень удобной, поскольку единожды побывавший в каком-либо заведении, потом уже точно знал, чем можно было там отвести душу.

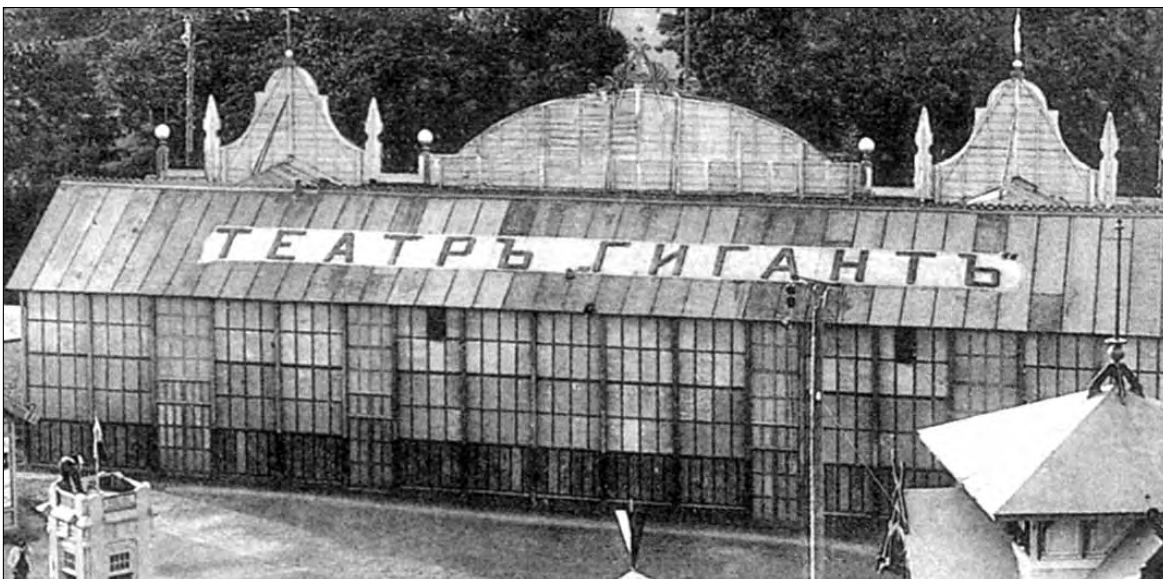
...Конечно, ходить по улицам и считать вывески — занятие, как говорится, самое интеллектуальное после перетягивания каната, да и невозможно оно было применительно к Одессе "раньше времени". Но с достаточной долей достоверности можно прикинуть, что в Одессе 1910-х годов имелось порядка восьми тысяч вывесок, которые красовались по всему городу: от аристократичной Маразлиевской улицы до разудалой Костецкой, и от живописного Пале-Рояля до граничащей со степью Дачи Ковалевского. Количество это, понятное дело, колебалось в ту или дру-

на стекла витрин и на полосатые тенты-маркизы, которые, дабы не выгорал выставленный там товар, опускали над ними в солнечные дни жаркого одесского лета.

В старое время многие фирмы существовали десятилетиями и столько же не меняли свое месторасположение, по каковой причине в дополнение к основной вывеске соответствующие надписи, случалось, вырезали на наружных мраморных подоконниках. В старинном, выстроенном на крепких сводчатых подвалах доме по Екатерининской, 5, угол бывшего Театрального, ныне переулка Чайковского, была когда-то аптека Кестнера. Это было выигрышное для коммерции место в самом центре города, и по соседству с аптекой, а также вблизи ее располагалось множество различных заведений. Ювелирная торговля Акима Биска, отца поэта и переводчика Александра Биска, деда известного французского поэта Алена Боске. Кондитерское производство Павла Георгиевича Бонифаци. Кафе Робина и Фанкони. Корсетная мастерская мадам Ольшанецкой. Парикмахерская Жирара. Модная мастерская или, как теперь сказали бы,

с Олегом Губарем не отказывали себе в удовольствии, обливаясь, лицезреть ее, если случалось проходить мимо. Но, к великому сожалению всех, кому дорога память о старой Одессе, после ремонтов и реконструкций старинных домов, грянувших где-то на рубеже прошлого и нынешнего столетий, от маркированных подоконников, что на Греческой улице, что на Екатерининской, остался лишь недоуменный извечный вопрос "Кому это мешало?"

Но судьба не всегда оказывается такой безразсудно жестокой. В одном из дворовых строений по 1-му Водопроводному переулку, 13, располагалось когда-то небольшое производство, где, используя цемент, песок, мраморную крошку и минеральные красители, изготавливали недорогие памятники, незатейливые садовые вазы, плоские фонтанные чаши, ступени, из коих потом собирались лестницы в тех домах, чьи владельцы не в состоянии были раскошелиться на мрамор. Но перво-наперво там сделали и с помощью крепких железных костылей надежным образом закрепили над воротами собственную вывеску "БЕТОННО-МАЗАИЧНОЕ ЗАВЕДЕ-

ую сторону, к тому же каждая вывеска имела свой, материалом, техникой исполнения и конъюнктурой отпущенный срок жизни, потому что один магазин или какое другое заведение закрывалось, другое открывалось, третье меняло хозяев, вывеска четвертого ветшала. Правда, еще 1871 году живописный мастер С. Зильберштейн в несохранившемся ныне доме Вургафта на Ришельевской, 7, который до этого изготавливал вывески на стекле и плотно, начал рекламировать "металлические вывески, плитки и литеры из одного куска, вечной прочности". Но что в этом мире вечно? Недаром ведь Остап Бендер отказался от вечной иглы для примуса, логично мотивируя это тем, что не собирается жить вечно.

В одно время с Зильберштейном его коллега, обосновавшийся в доме под нынешним № 100 на Ямской, как тогда называлась улица Новосельского, предлагал позолоченные или крашенные деревянные буквы разной величины, которые монтировались на обычных вывесках или на железных сетках, вознесенных высоко над крышами зданий. Нередко вывески писали прямо на стене дома, и теперь, когда осыпается слой впоследствии нанесенной поверх них штукатурки, отчетливо проступают черные, коричневые, синие надписи типа "Парикмахеръ К. Каратавотолгу", "Продажа муки гуртомъ и мелочью" или "Красильня Э.В. Бажолэ". А на стене того из двух, ведущих в Пале-Рояль арочных проемов, который ближе к переулку Чайковского, вдруг проявилась вывеска принадлежавшей легендарному Сергею Уточкину "мастерской и склада велосипедов лучших всемирных фабрик". Бывало, что надписи, выполнявшие функции вывесок, наносили

ателье мод Ж. Лантье. Магазин Одесского общества торговли аптечными товарами "Ю. Лемме и К°"... Теперь об этом уже ничего не напоминает. Но еще в 1990-х годах не безразличные к давнишним делам прохожие могли свободно прочитать надпись на мраморном подоконнике "Аптека Кестнера". Показательно, что после смерти титулярного советника Михаила Васильевича Кестнера, когда его вдова Эмма Карловна не пожелала продолжить семейное дело, и аптека отошла к провизору Александру Наумовичу Баумштейну, новый владелец и не подумал даже убирать этот подоконник или заменять старую надпись, потому как свидетельство преемственности фирмы по праву считалось тогда лучшей рекламой.

В 1856 году к великой радости любителей солнечного напитка, составившего его основной ассортимент, открылся магазин Цезаря Карловича Гинанда, а через сорок один год, 5 мая 1897-го, хозяин перевел его в свой собственный дом, только что выстроенный по проекту архитектора Вильгельма Мартовича Кабиольского на Греческой, 30. Тогда же появился там и мраморный подоконник с надписью "Ц. Гинанд" как свидетельство того отрадного факта, что здесь всегда оптом и в розницу можно купить отменного вкуса бессарабские, кавказские, крымские вина, знаменитое французское шампанское "Мумм", не менее знаменитый коньяк "Мартель", голландский ликер всемирно известной фирмы "Кюрасо" и настоящие гаванские сигары. Потом все это кануло в область потаенных и печальных воспоминаний, а благородный мрамор на протяжении ста лет в целостности и читабельности хранил фирменную надпись. И мы

НИЕ О.Е. ЩЕРБАКОВА". Оно давно приказало долго жить, нет уже на свете ни его хозяина, ни рабочих, даже ворота исчезли, и проем их заложен камнем. А вывеска, мало кому известная и музейными работниками опрометчиво проигнорированная, еще недавно пребывала на своем давнишнем месте, а что дальше теперь там, так мне неизвестно, потому как боязно пойти туда и, чего доброго, убедиться в ее печальной участи... Толстенная, выполненная из бетона с мозаичными буквами, она была, наверное, самой тяжелой из всех тогдашних одесских вывесок.

А вот самая большая вывеска, вернее, надпись, выполнявшая ее функцию, появилась в 1910 году, когда по инициативе одесского отделения Императорского русского технического общества в Александровском, ныне имени Тараса Шевченко парке открылась грандиозная, насчитывавшаяся 1300 экспонентов фабрично-заводская художественно-промышленная и сельскохозяйственная выставка. Тогда и выстроили там огромный деревянный иллюзион, сиречь кино-театр, на двускатной крыше которого с обеих видимых публике сторон громадными буквами было начертано "ТЕАТРЪ ГИГАНТЪ". А в 1880-х годах на одном из дворовых флигелей здания городской полиции на Преображенской, 44, красовалась вывеска, на которой золочеными буквами было начертано: "В справочном отделении при управлении одесского полицеймейстера выдаются адресные сведения принимаются комиссии для перемены паспортов и истребования разных документов и в замен их выдаются расчетные книжки продаются домовладельческие книги адресные листки и квартирные расчетные книжки вы-

даются полученные вновь документы пишутся прошения по разным предметам а также и о выдаче отсрочек по 20 копеек". Как иронизировал по этому поводу один одесский репортер, "в полицейских канцеляриях никогда грамота не процветала, но все-таки вывески следовало бы писать согласно правилам грамматики". Целиком отлитая из чугуна и, как гигантская телеграмма, исполненная без единого знака препинания, эта вывеска была самой многословной в Одессе.

Если же продолжить классификацию старинных одесских вывесок по принципу "самая-самая", то непременно нужно вспомнить известную тогда всем и запомнившуюся потом многим вывеску "ГЕНИЙ ШАПИРО. Фотография" на Преображенской, 62. Никаким гением сей гражданин, конечно, не был и не считал себя таковым, но если уж родители нарекли тебя таким именем, то почему бы не использовать его для рекламы, которая, по словам не очень грамотного, но внимательно-го современника, "достигала подчас таких грандиозных размеров, что необходим энергичный отпор против нее". И получилась эта вывеска самой курьезной в тогдашней Одессе. А самой одесской была, наверное, вывеска буфета искусственных минеральных вод на Степовой улице "Торговля воды" — главное, что всем понятно, а "если что не очень, так у нас не кафе Фанкони на Екатерининской угол Ланжероновской".

Творческие возможности тогдашних мастеров вывесок были довольно ограничены, поскольку электрические лампочки появились значительно позже, не говоря уже о неоновых трубках и хитроумных электронных устройствах, позволяющих создавать впечатляющие эффекты. Но имелись эмалевые и масляные краски фабрики братьев Васильевых в Санкт-Петербурге и Торгового дома "К.Д. Берте и К°" на Мельничной улице в Одессе, лаки Черноморского лакового завода на Польской, 11, кисти монашеского Акционерного общества "Пенсбергер и К°", толстое зеркальное стекло "Общества донецких стекольных и химических заводов", листовое железо "Южно-Русского днепровского металлического общества". И самое главное, были золотые руки мастеров, их добросовестность и профессиональная гордость.

В конце XIX века на Пушкинской, 14, была живописная мастерская Льва Веприка, которого называли не иначе как "королем вывесок". Не Пирсомани он был, конечно, но его специально приглашали в Художественное училище демонстрировать учащимся альбомы с эскизами вывесок на дереве, железе, стекле и мраморе. В начале злосчастных 1920-х годов, когда исчезла частная коммерция и, соответственно, потребность в многочисленных вывесках, Веприку пришлось перебиваться всякими случайными заработками, для чего он собрал коллег в бывшем магазине готового платья "Братя Альшванг" на Дерибасовской, 14. На месте магазина давно выстроен другой дом, и память о мастере осталась разве что в повести "Золотая роза" Константина Паустовского: "Внизу, в первом этаже магазина, развертывала суетливую и несколько подозрительную деятельность художественная артель. Во главе этого предприятия стоял старый ворчливый живописец, известный в Одессе под кличкой "Король вывесок".

Альбомы Веприка, не говоря уже об исполненных им и другими мастерами вывесках, скорее всего, не сохранились, во всяком случае, никто их уже давно не видел. И вообще, вывески гораздо теснее, чем это кажется на первый взгляд, привязаны к определенному времени.

Любопытствующие могут продолжить "литературную прогулку" по одесским улицам в обнадеживающих поисках еще какой-либо вывески, которая, по справедливому замечанию поэта и художника Макса Александровича Волошина, "гораздо больше определяет физиономию улицы, чем афиша, уже потому, что она всегда висит на своем месте". Но и без того, вроде бы, понятно, что красноречивая мадам Крик была не так уж далека от истины.

«Большой Фонтан одесского юмора»

ОТ РЕДАКТОРА И ИЗДАТЕЛЯ

Дорогие читатели!
Одесситы и, если можно так выразиться, не совсем.

Все, кто любит Одессу и кто ее просто обожает.

Истинные ценители настоящего одесского юмора и просто верящие, что он существует. Эта книга — для вас!

Открыв ее, вы убедитесь, что Одесса жива. Что те, кто называл ее когда-то столицей юмора, не ошиблись.

Что традиции, заложенные классиками жанра — Исааком Бабелем, Ильей Ильфом и Евгением Петровым, Михаилом Жванецким, подхвачены новым поколением талантливых авторов.

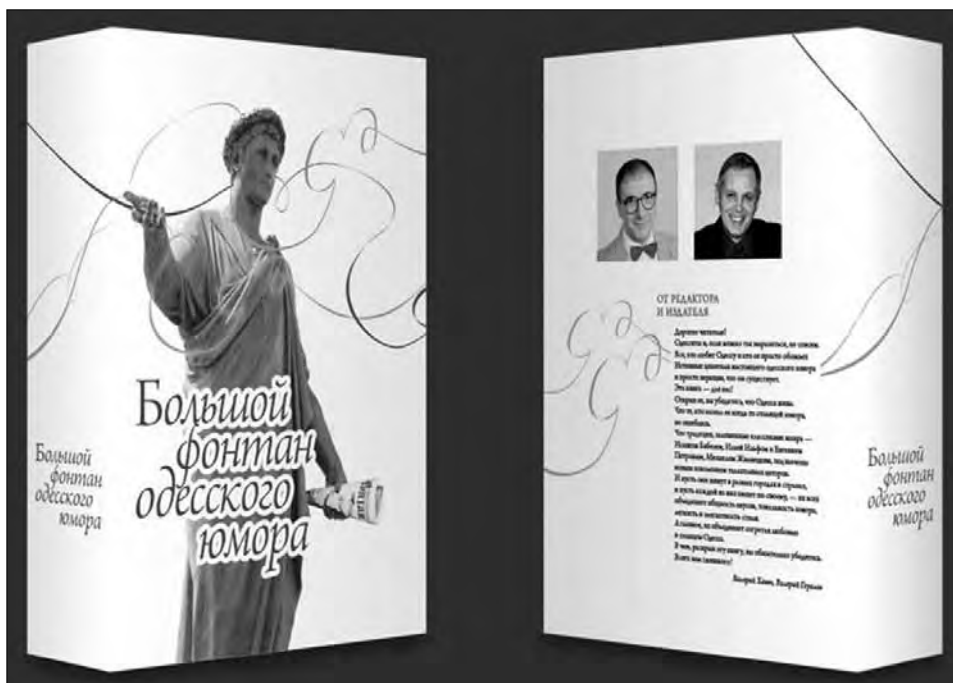
И пусть они живут в разных городах и странах, и пусть каждый из них пишет по-своему — их всех объединяет общность вкусов, тождественность юмора, легкость и элегантность стиля.

А главное, их объединяет согретая любовью и солнцем Одесса.

В чем, раскрыв эту книгу, вы обязательно убедитесь.

Всего вам смешного!

Валерий ХАИТ, Валерий ГОРЕЛОВ.

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Парадокс

Как мало человеку нужно для счастья. Как много — чтобы он об этом догадался.

Эпитафия

Счастьем привалило.

Химия и жизнь

Когда наступает реакция, евреи растворяются вдали.

Осень

Благодаря косметике женщина не увяла. Она осыпалась.

Моя сексуальная ориентация

Ориентируюсь по обстоятельствам: легко и быстро.

Должен сказать

Я сам не подарок — и другим не советую.

Трагедия миллионера

Он хочет, чтоб его любили бескорыстно...

Сентенция

Как часто нас любят за то, что больше некого.

Восклицание

Весь ужас в том, что он еще не весь!

Наталья ХАТКИНА

Самоидентификация

Лицом к лицу себя не увидеть. Куплю себе на вечер книжку "Тесты" и не спеша заполню честь по чести, чтобы свою загадку разгадать.

Из первого понятно станет мне, что я покладиста, хотя весьма капризна, и денежки люблю, хоть бескорыстна, немного замкнута, общительна вполне.

Картинку дополняет тест второй: влеку мужчин, сама того не зная. По типу я — красотка роковая, мой идеал — застенчивый герой.

Тест третий. Надо ж! Проверьте сами. Все отвечала честно, я не вру! Выходит, я — мужчина, и с усами. Живу в Париже (вариант — в Перу).

Последний тест, — ну это просто блеск! Доверчива, но в меру осторожна, не знаю в жизни слова "невозможно" и обожаю быстрый жесткий секс.

Все, хватит! Беззащитное нутро не стоит выворачивать наружу. Без задних мыслей обращаю к мужу с невинной просьбой вынести ведро. Вот тут и узнаю...

Психотерапия

Когда молчанье нестерпимо, пора права качать, и столько рож, и только ложь, и хочется кричать, — не лезь, приятель, на рожон, прислушайся ко мне: представь себе, что ты шпион, шпион в чужой стране...

Начальник вызвал на ковер, волной погнал понты, — молчи, вступать не стоит в спор, ты Штирлиц, Штирлиц ты.

Супруга тянет в ресторан, хоть пуст твой кошелек, сосед — в который раз, болван! — протек сквозь потолок. Какой-то хулиган гвоздем "Жигуль" твой расписал, в стране вообще сплошной содом, в мозгах — девятый вал. Спать не дает собачий лай или орут коты — молчи, и рта не раскрывай: ты Штирлиц! Штирлиц ты!

Я тоже в образе с утра (и потому жива): я золотая медсестра в психушке номер два. А на больных срываться грех (ты б знал мою семью!), я успокаиваю всех и валиум даю.

Но все же теплится в мечтах: настанет день, и вот — мешок смиренных рубаш мне прачка принесет, и все, кто был жесток со мной, притихнут до поры, и будет долгий выходной у доброй медсестры.

Василий ШИМБЕРЕВ

Если вы гомеопат

Если вы гомеопат, главное — не отчаиваться. Или, по крайней мере, не показывать свое отчаяние окружающим. Жизнь гомеопата и сама по себе — не сахар, но во сто крат хуже она становится, когда об этом узнают близкие вам люди!

Согласен, долго скрывать это невозможно. Особенно от матери. Даже жену можно обмануть — есть способы. Но мать... Тяжелый, от-

кровенный разговор практически неизбежен. Нужно быть готовым ко всему. Часто случается, что именно разговор с матерью становится последней каплей... Но не будем о грустном... О самом грустном...

Жене нельзя признаваться ни в коем случае. Даже когда она смотрит своими добрыми, всепрощающими глазами и безнадежным голосом произносит:

у человека жена. Вот так и у него была. Как баллистическая ракета в ступе и с помелом... Но этого я вам не говорил. Даже и не думал!

А еще у этого человека были дети. Вот как саранча или колорадские жуки с ключами дятлов — вот так у него были дети.

И в один прекрасный день к этому человеку приехала в гости теща. Вот как приезжает налоговая инспекция вместе с омоном к вам в контору и начинает забирать компьютеры, разбрасывать документы и класть всех на пол — вот так к нему приехала теща.

И теща послала его за постным маслом. Вот как посылают в декабре за подснежниками или молодильными яблоками, или туда не знаю куда, — вот так она его послала на все четыре этажа своего послания.

— Милый, а ты часом не гомеопат?

Тут главное — не расплакаться, не прыгнуть в окно, не подавиться сосиской. Хорошо, если разговор происходит наедине, в полутьме, или вы опаздываете на работу. Самое лучшее — это беззаботно рассмеяться, чмокнуть любимую в щеку и убежать, прикрывая газетой предательский румянец, нервный тик, а порой и кое-что похуже...

Вечером в постели — еще проще:

— Ну что ты, дорогая...

И сразу перевести разговор на покупку нового платья. Да, тут требуется особое искусство. Но вы же — гомеопат, ни на секунду не забывайте об этом. Терять вам нечего!

И человек пошел. Вот как идут к зубному, или как тщательно забытый долг навсегда отдавать, или куда глаза глядят — вот так он пошел.

И на этом пути ему встретилась соседка. Вот как горная серна на скале, как колодец посреди пустыни, как Пятница и Суббота на необитаемом острове, как лилия в долине — вот так ему встретилась соседка.

И она ему сказала: "Вот смотрю я на вас, Миша...". И при этих словах из ее глаза упала слеза карат в двести прямо туда, куда обычно падают женские слезы — на грудь.

И человек посмотрел на эту грудь со слезой... и упал на них обеих. Вот как падают в небо, в облака, в пение птиц — вот так он упал.

Ну что вам сказать... Он не вернулся домой даже за гитарой.

Михаил ВЕКСЛЕР

Закон подлости

Как случится гуманоид,
Так откажет "Полароид"!

О дяде Пете

У дяди Пети
Во лбу ни пяди.
Бывают, дети,
Такие дяди.

Был человек. Не пил спиртное.
Зимой ходил в одних трусах.
Такие умирают стоя
На медицинских на весах.

Гляжу с опаской на бульдога:
Он не готов для диалога.

С натуры

Несет бревно душа-девица.
Душа обязана трудиться.

Со вздохом

Мы как выпьем — головою в яства
Или бьем кого-нибудь по линзам.
Нет у нас еще культуры пьянства
И алкоголизма.

"Фанера"

Дуэт не заметил потери певца
И "Яблочко"-песню допел до конца.

На стомиллионном году эволюции
У многих людей исчезают иллюзии.

Я признаюсь, с трудом
Занимаюсь трудом.
Но с большою любовью
Занимаюсь любовью.

Нет места подвигу в раю —
Вот что прекрасно в том краю.

Выбор

Я предпочитаю сидеть в Нидерландах —
Не феличита,
Но вкуснее баланда.

Гумберту Гумберту

Двадцать пять —
Баба ягодка опять.

Никого,
Кто с того возвратился бы света.
Отчего?
Возвращаться — плохая примета.

Двустишия

*

Кто штиблет не носит —
Под Толстого косит!

*

А красота спасет одну
Отдельно взятую страну?

*

Парней так много холостых в стране,
А я люблю женатого. На мне.

*

Мы разговариваем с Богом,
Поскольку Он всегда под боком.

*

Я — человекофил.
Но из последних сил.

Шекспир и футбол

Мне все равно — "Ювентус", "Рома", —
Чума на оба ваших дома!

Михаил БАРУ

Вот так

Один человек был Рабинович. Вот как бывает человек Ивановым, Петровым, Сидоровым, медведем, карасем, жаворонком или цветком — вот так он был Рабинович.

И был у него начальник. Вот как бывает чума, холера, фурункул на носу или отложение солей в левой пятке — вот так у него был начальник.

И была еще у этого человека жена. Вот как бывает... Впрочем, что я вам буду рассказывать про его жену? Всякий знает, как бывает

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.